

980) 68.3 (44ир-43п)46

480

УСТНОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ,

БЫВШАГО ЗАПОРОЖЦА,

**ЖИТЕЛЯ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ И
УѢЗДА, СЕЛЕНИЯ МИХАЙЛОВКИ,**

НИКИТЫ ДВОРНОВИЧА

КОРЖА.

✓
686889 Р.К.
~~264706~~

ОДЕССА

265758

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1842.

ПЕРЕВІРКА
ФОНДА

ПЕРЕВІРКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ. чтобы по отпечатаннн представлено было
число экземпляровъ въ Ценсурный Комитетъ Олесса.
1842 года.

Цензоръ К. Зел.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ журналѣ, издаваемомъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ книгахъ I-й 1838 и II-й 1839 годовъ, о Запорожскихъ козакахъ было помѣщено нѣсколько отрывковъ, подъ названіемъ: «Изуствныя преданія о Новороссійскомъ краѣ.» *Источникъ*, изъ котораго почерпнуты преданія сіи, — бывшій Запорожець Никита Леонтьевичъ Коржъ, жившій не менѣе ста четырехъ лѣтъ.

Когда Коржевы преданія столь счастливы, что они обратили на себя благосклонное вниманіе ученыхъ Обществъ и просвѣщенныхъ мужей, въ особенности любящихъ отечественную исторію: то мнѣ показалось, что Коржу чести, а ученымъ Обществамъ и мужамъ просвѣщеннымъ удовольствія тѣмъ больше будетъ, если преданія старца издадутся въ оригинальномъ его тонѣ, т. е. въ тѣхъ самыхъ словахъ, выраженіяхъ, оборотахъ, словомъ, въ томъ самомъ разсказѣ, какимъ они вылились изъ устъ самаго автора. Мысль моя коснулась здѣсь и лестной моей Одес-

скому Историческому Обществу, чрезъ именованіе членомъ онаго, принадлежности, изъ которой вытекаетъ непрелътная обязанность, дѣйствовать. Симъ убождась, я и рѣшился, издать Коржеевы преданія въ оригинальномъ его тонѣ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній и объясненій.

Но какъ они въ этомъ тонѣ попались мнѣ въ руки? Отвѣтъ кратокъ: прежде однако обязываюсь, вспомнеть почтеннаго моего сотрудника, Преосвященнаго Іакова Епископа Саратовскаго. Оба мы, каждый въ своемъ званіи и должностяхъ, жили съ 1828 года по 1831 годъ въ Екатеринославѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ нами и Никита Леонтьевичъ Коржеевъ. И такъ, онъ рассказывалъ старое Запорожское свое житье-бытье, а мы слово въ слово записывали. И когда соединили между собою отрывки: вышла книжица.

Исполненный долгою мирныхъ дней Никита Леонтьевичъ скончался въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1835 года, сдѣлавшись больнымъ отъ простуды, которую получилъ, занимаясь сборомъ добродѣтельныхъ подаяній на новооткрытую съ селѣ Михайловкѣ дѣревянную

церковь, вмѣсто бывшей тутъ, но отъ молнии сгорѣвшей. Сдѣйствіемъ Коржа церковь въ Михайловкѣ дѣйствительно возстановилась; и при подножіи олтаря ея ищи преданій источника, кому онъ пріятель *).

Жилъ онъ въ с. Михайловкѣ, въ собственномъ своемъ домѣ, который доставились ему отъ его предковъ, чистыхъ Запорожцевъ, и самъ собою, т. е. и старостью своею, и видомъ крайне занималъ всѣхъ проѣзжихъ тѣмъ селомъ, простыхъ и знатныхъ людей, изъ коихъ многіе потому у Коржа и ночлеги весьма часто имѣли. Слѣдовательно не безнадежно, что усопшій, многолѣтній старикъ сей, кромѣ воспоминанія о немъ на землѣ, не лишается, за любовь къ ближнимъ своимъ, за страннопріимство, славы и на Небеси. Въ лонѣ Авраама, отца вѣрующихъ, вѣроятно покой его. По крайней мѣрѣ да будетъ ему сіе, мы, оставшіеся здѣсь, да воспросимъ отъ Господа Вседержителя.

Мѣстоположеніе всего вообще, старозаведенаго, въ Михайловкѣ, жилища Коржева

*) Въ Исторіи «Нової-Сѣчи» г. Свальковскаго, относительно сего обстоятельства пиѣется описка. См. предисловіе стр. VI.

довольно замѣчательно для любопытныхъ. Оно, будучи обсажено вѣтвистыми деревьями и кругомъ обтекасмо рѣчкою, тонкою, почти какъ нить и извишающеюся, какъ плывша около древа, образуетъ собою соборный островъ. Никто изъ проѣзжавшихъ снялъ съ сего мѣста картинку, и прибавилъ къ ней слѣдующий, изъ пѣсни Запорожской, отрывокъ, всегда, подѣ веселый часъ, Никитю Леонтьевичемъ пѣтый :

Ой сичь маты :

Ой сичь маты :

У дузи заробиты.

А въ Сичи пропиты.

Лыщусь надеждою, что книжница сія не неудостоится того точию благосклоннаго просвѣщеннаго мужей вниманія, коего ожиданіемъ я поощренъ былъ къ ея изданію. Впрочемъ, если сего и не будетъ : я утѣшусь, вспомнивъ сказанное однимъ изъ древнихъ : *si non fecas, latet scias* т. е. (не по буквальному переводу) если книжница и не удостоена вниманія, по крайней мѣрѣ она не пропадеа ; и Коржесы подлинныя устныя преданія не исчезли.

Гаспринъ, А. Х. и Ж.

16 Мая 1842 года.

УСТНОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ,

БЫВШАГО ЗАПОРОВЦА, ЖИТЕЛЯ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ
ГУБЕРНИИ И УѢДА, СЕЛЕНІЯ МИХАЙЛОВКИ.

ПОВѢСТЕВЪ ЛЕОНТИЯ КОРЖА.

I.

О ЖИЗНИ В. Л. КОРЖА.

Я уроженецъ Новыхъ-Кодакъ, въ кон зашли мои предки на жительство изъ Малоросіи т. е. изъ Гетманщины, что нынѣ Полтавкой губерніи городъ Кобѣлякъ. 1-й изъ нихъ былъ прадѣдъ Василій Жаданъ по фамиліи, жилъ на свѣтѣ 85 лѣтъ; 2-й, дѣдъ Тарасій Жаданъ, жилъ на свѣтѣ 89 лѣтъ, и предъ смертію за полтора года ослѣпъ, его я довольно помню и вожу бывало за руку, по причинѣ его слѣпоты: 3-й, отецъ мой Леонтій фамиліею не Жаданъ, но Таранъ, такое прозваніе получилъ онъ отъ куреня Запорожскаго, и жилъ на свѣтѣ 115 лѣтъ, а мать звали Маріею, которая также померла въ глубокой

старости и погребена въ моемъ салу , гдѣ нынѣ мое теперъ жительство. Всѣ оныя мои предки находились по смерти въ Новыхъ-Кодакахъ безотлучно , жили добродѣтельно и благочестиво по Христіанскому обряду; занимались хлѣбопашествомъ , скотоводствомъ , пчеловодствомъ и рыбною ловлею , а иногда и звѣрною охотою. Ибо тогда во время Запорожья , вездѣ надъ Днѣпромъ , съ обѣихъ сторонъ были сильныя и густыя лѣса , и разнаго рода дикихъ звѣрей великое множество , о чемъ и я еще довольно помню. Родился я въ томъ-же мѣстечкѣ — Новыхъ-Кодакахъ въ 1731 году Мая 30 дня , в проживши при родителяхъ моихъ въ младенчествѣ до 7 лѣтъ , взятъ былъ на воспитаніе крестнымъ моимъ отцомъ Яковомъ Емельяновичемъ Качаловымъ въ Сѣчь , въ которой онъ былъ тогда Старшиною т. е. Полковникомъ и Есауломъ Войсковымъ , а зюмовникъ свой со скотоводствомъ имѣлъ при рѣкѣ Сухой-Сурѣ , гдѣ нынѣ я проживаю , и на томъ самомъ мѣстѣ , и въ той самой хатѣ , которую самъ крестный отецъ мой выстроилъ , и которая хата до сего времени существуетъ , безъ всякой перестройки гораздо уже болѣе 100 лѣтъ. Она построена съ липоваго дерева рѣзаного , и вся рубленая , пространствомъ небольшая , безъ всякихъ пристроекъ кромѣ сѣней. Около сей хаты въ древности были терновые кусты , и небольшое расло берестовое дерево , гдѣ нынѣ высокій

лтъсь и садъ моими трудами разведенный. Отецъ мой крестный былъ холостъ и отъ юности не женатъ, который по атакованіи уже Сѣчи былъ пожалованъ отъ короны приміеръ-маіоромъ, жилъ на свѣтѣ 101 годъ. Я находился при немъ неотлучно по смерть его; а погребенъ онъ въ Новыхъ-Кодакахъ. Женился я еще за жизнь его, тоже въ Кодакахъ, на дѣвицѣ Парасковѣ. Дѣтей имѣлъ: 7 сыновей и 4 дочери, изъ коихъ нѣкоторые померли. Внуковъ имѣю 18 душъ, да правнуковъ 4 души, и всѣ они еще живы. Жена моя померла за 40 уже лѣтъ тому назадъ. Съ молодыхъ моихъ лѣтъ до женитьбы былъ я въ разныхъ послушаніяхъ у крестнаго моего отца, какъ въ Сѣчи при куринѣ, такъ и въ зимовникѣ по его хозяйству; а послѣ женитьбы занимался я и самъ хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и садоводствомъ, и разными пристойными занятіями по хозяйству; а нынѣ уже оное хозяйство и всѣ оныя хлопоты домашнія поручилъ дѣтямъ, а занимаюсь только однимъ пчеловодствомъ подъ старость, да и то уже взнемогаю и приклоняюсь къ землѣ, отъ нея-же взять быхъ, и явѣ уже есть, яко скоро въ ню подобаетъ ми возвратитися и преселитися къ предкамъ. Обаче ве умру, во живѣ буду и повѣмъ дѣла Запорожскія, а прежде всего скажу о Михайловѣ, въ коей я былъ осадчимъ и повѣреннымъ за землю; а потомъ буду говорить о Запорожской Сѣчи, о Екатеринославѣ, о Самарѣ и о прочихъ мѣстахъ

и происшествiяхъ здѣшней украины. Что-же касается до прозванiя моего, отъ чего я называюся Коржемъ, о томъ упомянуто будетъ ниже, при описанiи Запорожскихъ обычаевъ.

II.

О НАЧАЛѢ СЕЛЕНIЯ МИХАЙЛОВКИ.

=

По смерти крестнаго моего отца Якова Качалова, когда я остался самъ на его жительство; то въ то время и на томъ самомъ мѣстѣ, не было никого изъ сосѣдовъ; а потомъ тамъ начали мало-по-малу населяться люди изъ разныхъ мѣстъ и селенiй, то мѣсто называли «вольными великими хуторами», что и продолжалось черезъ нѣсколько лѣтъ, до послѣдованiя именнаго указа въ 1800 году, коимъ велѣно хутора уничтожить, а жителей хуторянскихъ собрать въ одно мѣсто и поселить при трактовыхъ дорогахъ, и отъ тогда не называть вольными хуторами, но селенiями. О каковомъ предметѣ т. е. объ утвержденiи и о наименованiи селенiя въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я нынѣ нахожусь, по данной мнѣ отъ 3-хъ селенiй: Кодака, Диевки и Сухачевки довѣренности, послыку изъ сихъ селенiй населенiя большею частiю и хутора, подавалъ я просьбу въ Екатеринославскую казенную палату. Палата рассмотрѣвши мою просьбу, и освѣдѣтельствовавши чрезъ члена оной казенной палаты,

ассесора Мартина Коваленка, мѣстположеніе вольныхъ хуторовъ, в нашедши оное выгоднымъ и способнымъ для селенія, мѣсто утвердила и предписала указомъ волостному Діевскому правленію, о безпрепятственномъ населеніи околомѣня жителей. И когда умножилось селеніе, то по вторичной моей просьбѣ о наименованіи селенія, казенная палата опять того-же чиновника Коваленка откомандировала; и когда прибывши чиновникъ въ мой домъ и собравши все общество въ сходку, началъ по ряду всѣхъ спрашивать какому именемъ хотятъ они назвать свое селеніе? то иные сказали пусть будетъ Качаловка! на имя первобытнаго здѣсь жителя Качалова, крестнаго отца Коржева. — А другіе то отрицали и говорили: вѣтъ! пусть будетъ Коржевка, на имя повѣреннаго нашего Никиты Леонтьевича Коржа, поелику онъ первый по Качаловѣ житель и ходатай, какъ за сію землю, такъ и за прочія наши дѣла. Но я нехотя имѣть въ сей жизни славы и почестей, какъ себѣ, такъ и крестному моему отцу, а ожидая и желая оную получить въ жизни будущей, воспрепятствовалъ всѣмъ общественнымъ голосамъ и отнюдь на желаніе и приговоръ ихъ несогласился. Въ слѣдствіе чего, видя чиновникъ г. Коваленко между нами несогласіе, изволилъ предложить всему обществу слѣдующее свое мнѣніе: послушайте г-да почтенное общество! если вы несогласны утвердить ни того ни другаго разногласнаго ва-

шего мнѣнія на счетъ названія селенія урочнымъ именемъ, то пускай будетъ селеніе ваше названо Михайловкою, на имя Государя Великаго Князя Михаила Павловича! на что всё съ радостію и согласился — и когда о семъ отрапортовано было чрезъ г. чиновника, казенной палаты, то она, утвердивши общее наше мнѣніе, предписала паки указомъ волостному правленію, дабы опубликовало всемъ сборнымъ избамъ объ утвержденіи и о названіи вольныхъ хуторовъ селеніемъ Михайловкою. Потомъ, когда гг. сосѣдніе помѣшники Пестръ Петровичъ Папчинскій, бывшій тогда въ Кременчугскомъ губернскомъ правленіи секретаремъ и Алексѣй Ивановичъ Вермишка, капитанъ пзъ бывшихъ Запорожцевъ, завладѣли нашею казенною землею самоправно: Папчинскій отмежевалъ 3,000 десятинъ, а Вермишка 1,500 десятинъ, и поляку Сухую-Суру завялъ Папчинскій, а Мокрую — Вермишка, то казенныхъ поселенцевъ Годачанъ и Діевцевъ, равно и Михайловскихъ жителей такъ утѣснили помѣшники, что до рѣкъ Суръ вовсе не было ни какого водопоя для скота; а меня совсемъ вытѣснили и выгнали изъ моего жилища и поселили въ дворъ моемъ 8 семействъ своихъ крестьянъ, Папчинскій-же на своемъ участкѣ земли, у насъ отнятой, поселилъ двѣ слободы и тогда я скитался по чужимъ дворамъ съ малолѣтними дѣтьми сиротами, оставшимися отъ покойной жены моеи. По каковымъ причинамъ,

какъ я, такъ и прочіе поселяне Кодачане и Діевчане и Михайловскіе жители бывъ въ крайней нуждѣ, вынужденысь собраться въ общую сходку и положить совѣтъ о выборѣ повѣреннаго, для ходатайства по судамъ за казенную землю, гостуившую въ постороннія руки. И такъ общимъ совѣтомъ за всѣми моими отговорками, упросилъ меня быть повѣреннымъ не только за землю, но и за всѣ общественныя дѣла, какія-бы ни случались въ нихъ. На что я получивши довѣренность отъ нихъ, началъ ходатайствовать по одной, отъ низшихъ судовъ и до высшихъ присутственныхъ мѣстъ. Но не получая отъ нихъ ни какого удовольренія на мои апелляціонныя жалобы, чрезъ долгое время, и за всѣми моими вѣдывеніями и убытками, вынужденъ уже утрудять мою просьбою г-дъ ревизоровъ: Кушелева и Алексѣева, кои по возшествіи на престолъ Государя Павла I, присланы были въ то время въ Екатеринославъ. Они принявши отъ меня просьбу, тотчасъ предписали Екатеринославскому губернскому правленію, дабы я съ моими вѣрителями, по силѣ моей просьбы былъ удовольствованъ, что вскорѣ было и учинено, и земля наша отъ г. Папчинскаго была возвращена и слободы его съ нашей земли, были переведены на его землю. Но участки земли, находившіеся въ рукахъ г. Верминки еще не были возвращены по той причинѣ, что онъ Верминка, за всѣми рѣшеніями ревизоровъ и

губернскаго правленія, обставялъ оную землю своими прозьбами еще и въ правительствующемъ сенатѣ, а потому, какъ за сію Верминкину землю, такъ и за Колоцкую, которая занята была тогда подѣ городѣ, а также и за вольную продажу горячаго вина, по силѣ откупа подавалъ я чрезъ почту Государю на Высочайшее имя двѣ прозьбы съ ядѣ, но не получая на оныя на какого извѣстія и рѣшенія чрезъ двугодичное протеченіе, рѣшился самъ лично побывать съ довѣренностію въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ. Прибывши въ Москву *) , явился я въ I-й департаментъ сената, гдѣ и получалъ за Верминкину землю рѣшительное удовлетвореніе въ пользу моихъ вѣрителей. А потомъ отправился въ Санктпетербургъ на счетъ Колоцкой земли, присоединенной къ городу, а также и за винный откупъ, по прежнимъ поданнымъ мною Государю прозьбамъ, и явился къ господину Муравьеву, докладчику Его Импе-

*) По случаю пребыванія своего въ Москвѣ, Коржъ разсказывалъ многіе о себѣ, весьма забавныя анекдоты. Напримѣръ: по природному любопытству своему онъ вздумалъ вытѣрять тамъ всѣмъ извѣстную, самую большую, въ Кремлѣ находящуюся пушку. В такъ взявъ веревку, не сметя ни на холодъ ни на глубокой тогдашній снѣгъ, въ ней и отырался. Но, добравшись, когда началъ пушку вѣрять, тотчасъ усмотренъ былъ караульными солдатами; взять и отсидеть на гаубвахтѣ. Припавъ его за соглядатан, тутъ дѣлали ему разные допросы. Изъ всѣхъ одинаковъ оцѣтокъ, когда открылось, что онъ не другое что, какъ простой Запорожскій козакъ, остроумный впрочемъ и замысловатый: тогда сомнѣніе обратилось въ общій смѣхъ, чрезъ который Коржъ извѣстность сдѣлался и другимъ въ Москвѣ вѣстамъ и лицамъ, къ немалой пользѣ касательно къ явн пребыванія его тамъ.

РАТОРСКАГО ВЕЛІЧЕСТВА , который отыскавши мои прозбы, безъ належащаго хода, до прибытія моего находившійся, поднесъ Государю; а Государь помѣтя оныя отослалъ сенату на разсмотрѣніе, потомъ сенатъ, рѣши оное дѣло, предоставилъ на волю Кодацкимъ жителямъ, жить на городской землѣ и пользоваться одними правами и выгодами, которыя зависятъ по земству; о чемъ предписано было и военному губернатору Дюку Ришелье, а мнѣ выдана была копія рѣшенія, дабы я съ оною явился къ Екатеринославскому губернатору г. Берту. Что-же касается до виннаго откупа, то въ томъ мнѣ было отказано по той причинѣ, что контракты уже были заключены и утверждены; и велѣно мнѣ сказать, что если-бы я прибылъ туда-же раньше т. е. за мѣсяць или два предъ тѣмъ, то могъ-бы безъ труда получить свое удовольствіе и Государь въ томъ-бы уважилъ. И такъ я возвратясь изъ столицы за Божіею помощію, съ успѣхомъ прибылъ въ домъ свой благополучно и заслужилъ отъ вѣрителей моихъ благодарность и уваженіе, не себѣ одному, но и потомству моему.

III.

О ЗАПОРОЖСКОЙ СЪЧІ.

=

Когда именно я съ какихъ временъ Запорожье воспріяло свое начало; о томъ достоверно

утвердить помощь, но когда мой предок занял на жительство въ сію Украину, то въ тѣ поры оное уже существовало въ удобномъ видѣ преданію чрезъ прадеда, дѣда и отца моего дошло и до меня слышана, что оныя Запорожцы въ древніе времена назывались Козарамн. Поселку ихъ главное жительство было надъ Днѣпромъ пониже пороговъ, то и названы уже после того чрезъ Гетмана Хмельницкаго, Запорожцями, и хотя они жили подъ державою Россійскою во времена блаженной памяти Петра Великаго, но относились всѣми дѣлами своими до Хмельницкаго, а Россія до распоряженій ихъ, дѣла никакого не имѣла; Хмельницкій же Гетманъ имѣлъ тогда свое правительство съ Гетманщиной и командовалъ всѣми Гетманскими полками, состоявшими изъ Малороссійскихъ козаковъ, вѣсто бывшаго измѣнника Гетмана Мазепы *). Земля Запорожская распространялась по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, граничила она съ юго-западной стороны вверхъ по Днѣпру, отъ рѣки Буга, по рѣку Случь, смежно съ Польскою границею, а въ низъ по Днѣпру простиралась до великаго лимана, гдѣ нынѣ Херсонъ и Николаевъ, съ сѣверо-восточной-же стороны тоже вверхъ по Днѣпру простиралась она до рѣки Орсли, которая впадала въ Днѣпръ, около мѣстечка Китай-

*) Здѣсь авторъ преданій впадаетъ въ анахронизмъ. После Мазепы Гетманство было не Хмельницкій а Своробадский. См. Исторію Малой Россіи. М. 1822. Томъ IV, стр. 3 - 4.

города: за Орелью-же начиналась граница Гетманская, а въ низъ простиралась она по рѣкѣ Конку, противу бывшей Сѣчи и граничила съ Донскими Козаками и Крымскими Ногайцами.

Сѣчь, по всей Запорожской землѣ была тогда за моей памяти только одна; въ ней было главное Запорожское правительство подобно какъ въ Столицѣ. Она имѣла непремѣнное свое пребываніе надъ рѣчкою Подпольною, недалеко отъ Днѣпра, которая Подпольная и впадала въ Днѣпръ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь селеніе Покровское, названіе получившее отъ Покровской Запорожской церкви, которая и донинѣ еще существуетъ. — Подпольная рѣчка такъ глубока, что лодки Запорожскія проходили ею въ Днѣпръ, а Днѣпромъ въ лиманъ, а пзъ лимана въ Черное море, а такъ же и Греческіе лодки съ бакаліею и прочими товарами приходили симъ же путемъ до Сѣчи, но далѣе пройти не могли Днѣпромъ по причинѣ пороговъ. Въ Сѣчи Запорожской было 40 курней и 40 Отамановъ и каждый Отаманъ распоряджалъ своимъ курнемъ: а во всякомъ курнѣ считалось военныхъ козаковъ 1000, а въ впомъ курнѣ было и больше, кромѣ женатыхъ, жившихъ по зимовникамъ т. е. по хуторамъ въ разныхъ Запорожскихъ владѣніяхъ, гдѣ кто себѣ мѣсто уподобалъ, но и они числились и принадлежали къ тѣмъ же курнямъ по названію; а въ Сѣчи никого женатыхъ небыло. Всякой же курнѣ имѣлъ свое названіе и именно: 1-й былъ

Канивскій , 2-й Левушкивскій . 3-й Плахтіевскій , 4-й Ведмедовскій , 5-й Стеблівевскій , 6-й Иркліевскій , 7-й Шербиновскій , 8-й Пластунівскій , 9-й Переясловскій , 10-й Глушківскій , 11-й Дядківскій , 12-й Уманскій , 13-й Деревняківскій , 14-й Корсунскій , 15-й Конівскій . 16-й Гадячкій , 17-й Веровцкій , 18-й Шастунівскій , 19-й Мишастивскій , 20-й Пашківскій , 21-й Лелушкивскій , 22-й Полтавскій , и такъ далѣе до послѣдняго , коихъ еще остается 18-ть . о названіяхъ которыхъ , я подь старость лѣтъ моихъ уже упоминалъ . Главное же въ Сѣчи правительство зависѣло отъ Кошевыхъ , коихъ въ теченіе времени , чрезъ всю бытность Запорожья было много переменныхъ , то смертію , то другими случаями . но за моеи памяти былъ Кошевымъ , Калыниць , и жилъ долго , даже до атакванія Сѣчи . Судьею былъ Касапъ а Цисаремъ Войсковымъ Глоба ; сія трѣ члена составляли верховную власть и управляли всѣмъ Запорожьемъ .

IV.

ПРАВА ЗАПОРОЖСКІЯ И ЗАКОНЫ.

Права и законы по коимъ они рѣшали и судили тяжбы дѣла , суть слѣдующія ; и именно : во всѣхъ Запорожскихъ предѣлахъ , по знатымъ селеніямъ и мѣстамъ устроены были Паланки , — родъ уѣздовъ или земскихъ судовъ , въ коихъ

поставлялись по выбору три члена и назывались Судьями или панамп: 1-й Полковникъ, 2-й Есауль, и 3-й Писарь, къ нимъ въ помощь опредѣлены были отъ Сѣчи три Пидпанка изъ козаковъ и всѣ оныя члены по трѣхъ-лѣтнемъ выборѣ перемѣнялись, и поставлялись на мѣстахъ ихъ другіе и такимъ образомъ заведенъ былъ порядокъ по всѣмъ Паланкамъ. Потомъ когда случатся тяжбы дѣла, на примѣръ сказать: если два козака между собою поспорятъ, или подерутся, или одинъ другому по сосѣдству шкodu сдѣлаетъ т. е. своимъ скотомъ потравитъ хлѣбъ, или сѣно, или другую какую нибудь обиду другъ другу причинятъ, и между собою немогутъ примириться, то оба они обиженный и обидѣвшій, купивши на базарѣ по калачу идутъ въ Паланку позываться, къ которой они принадлежатъ и просятъ отъ судей своего удовольствія, и положивши калачъ на «сырно» (столъ) кланяются судьямъ оба разомъ низенько и становятся возлѣ порога, сказавши: кланяемся панове хлѣбомъ и сѣнью, и Судья начнутъ ихъ спрашивать: яке ваше дило паны-молодци? Тогда обиженный прежде отвѣчаетъ: отъ панове! яке наше дило, указывая на своего товарища, от-цей мене обидивъ, от-стѣлько-то шкodu мнѣ причинивъ своимъ скотомъ и несогласенъ мнѣ уплатитъ и пополнитъ що слѣдуєть за спашь сѣна; или за нобой хлѣба; потомъ судья спрашиваютъ другаго обидѣвшаго... Ну братчику! говори ты, правду то, о чемъ об-

жениный товарищ твой на тебе жалуется? Тогда обидчикъ отвѣчаетъ: та-щожэ панове! то все правда, шо я шкоду слывавъ моему сосѣду и неотрекаюся, но немогу его удовлетворить по той причинѣ, что онъ требуетъ видѣ мене лично, а школы немає стимьки. Тогда уже Паланка посылаетъ Шидпанковъ и прочихъ постороннихъ верховыхъ козаконъ для освидѣтельствованія школы: они чрезъ нѣсколько часовъ возвращаются въ Паланку и объясняютъ судьямъ всю правду, истинно, чего школа стоитъ, тогда судьи обращаются къ обидчику и говорятъ ему: ну! шо-жѣ ты братчику! согласенъ ли уплатить шкоду своему сосѣду, или нѣтъ? Тогда обидчикъ и наки клеветается судьямъ: та щожѣ панство! лично видѣ мене требуе, я несогласенъ ему уплатить; уволн вашей. Наконецъ судьи долго его уговариваютъ и представляютъ ему резоны, что обидя всякому неприятна и совѣтуютъ помириться и незатруднять высняго начальства, и если тяжущіеся захотятъ помириться и другъ друга подовольствовать, то Паланка нѣ дѣло рѣшаетъ сама и удовлетворяетъ обиженаго, отпускаетъ ихъ по домамъ, а если обидчикъ поумирится и немирится здѣсь, то Паланка отсылаетъ обоихъ ихъ до Сѣчи. Тогда тяжущіеся, поклонившись вмѣстѣ судьямъ отходятъ изъ Паланки и говорятъ: прощайте панство! А судьи имъ скажутъ: ступайте съ Богомъ! когда же тяжущіеся придутъ до Сѣчи, то другъ друга спрашиваютъ:

а въ чій же куринь по переду идемъ? тогда обиженный говоритъ: ходимъ, брате, до нашего куриня; ну добре, ходимъ и до вашего куриня отвѣчаетъ обидчикъ. Вошедши же въ куринь, являются оба къ Отаману и говорятъ ему: здоровъ батьку! Здоровы были паны - молодцы! отвѣчаетъ Отаманъ, сидайте! та-ни батьку! николи сидати, мы дило къ тоби имѣемо; ну говорите! яке ваше дило? скажетъ Отаманъ: тогда обиженный начиная ему жаловаться, объясняетъ всю свою обиду и происшествіе, по ряду какъ было, и какъ они судились въ Паланкѣ. потомъ Отаманъ выслушавши все ихъ дѣло, спрашиваетъ обидчика: якого ты братчику куриня? и когда скажетъ обидчикъ, что онъ такого - то куриня и назоветъ куринь по прозванію то Отаманъ закричитъ ка хлопнувъ: а идите-лишь такого-то куриня Отамана попросите до-мене: и когда тотъ Отаманъ придетъ и скажетъ первому: чого вы брате мене звали? тогда первый скажетъ ему: чи-се вашего куриня козакъ? потомъ приходшій Отаманъ обратясь къ козаку своему скажетъ: такъ ты братчику нашего куриня? такъ батьку, вашего куриня, козакъ отвѣчаетъ, поклонившись. Потомъ первый Отаманъ рассказываетъ сему второму Отаману все дѣло и происшествіе за тяжущихся козаковъ, и говоритъ такъ: ну-що брате будемъ робить съ свми козаками? а приходшій Отаманъ спрашиваетъ козаковъ: такъ васъ уже братчики и Палацка судила? Судили:

батьку. В кланяются ему вместе: тогда оба
Отаманы начинают уговаривать тяжущихся: по-
явившись братии, и подовольствуйте тутъ уже
одинъ другаго. дабы незатруднять даже выс-
шаго начальства. Тогда обдличик опять поклон-
ившись Отаманамъ, говоритъ такъ: ты — ножа-
батьки, коли видишь лише требуетъ видъ мене. На-
ковенъ Отаманы видя его упрямство, спраши-
ваютъ его въ послѣдній разъ: такъ ты братчику,
несогласенъ его подовольствовать: ить батьки,
у волеи вашии, несогласенъ: и кланяется имъ
обомъ низко; ну теерь же братия ходимъ все
четыре до Судьи: шо же скажетъ Судья. Добре,
отвѣчаютъ казаки Отаманамъ, обожяпть — же
батьки, идемъ мы на базаръ и купимъ казачи,
потомъ все четыре являються Судья Войсковому,
и вошедши въ курнии по переду Отаманы кланяют-
ся и назвавши Судью по имени говорятъ: здо-
рови були пане добродію, а Судья взаимно
отвѣчаетъ: здоровы и вы панове Отаманы, про-
шу сидати, потомъ тяжущіеся козаки такъ же
кланяются Судья и кладутъ казачи на сырно,
говоря такъ: кланяеся вамъ добродію хлѣбомъ,
та силью. Спасибо, спасибо, пань-мо іодци за
хлѣбъ и за силъ, отвѣчаетъ Судья, потомъ Судья
спрашиваетъ Отамановъ: шо-се у васъ за козаки
и яке дѣло мають? Тогда первый Отаманъ начи-
наетъ пересказывать ему обиженаго все дѣло
и происшествіе, по ряду, за козаковъ, якъ було
ио спачала и якъ ихъ судила Палапка. Потомъ

Судья обратившись къ обидчику спрашиваетъ : такъ , якъ-же ты братчику рѣшился съ сямъ козакомъ , указуя на обиженнаго , когда уже васъ судила и Палацка , Отаманы и я присуждаю обиженнаго удовольствоваться , а ты несогласяешься по упрямству , будучи уже со всѣхъ сторонъ виноватъ . Потомъ долго его уговариваетъ и представляетъ ему правильные и законные резоны къ примиренію , но обидчикъ никакими доводами не убѣждаясь стоитъ на одномъ упрямствѣ и повторяетъ то же , что и прочимъ низшимъ членамъ и Отаманамъ : та — шожь добродію , колы вишь лишне требуе , я на то несогласенъ ! Такъ ты несогласенъ братчику ! несогласенъ добродію ; ну теперь-же вы панове Отаманы идите съ нимъ до Кошового , тамъ уже будетъ имъ конечный судъ и рѣшеніе ; тогда Отаманы , вставши изъ своихъ мѣстъ , кланяются Судьѣ всѣ разомъ съ козаками , и говорятъ : прощайте добродію ; идите съ Богомъ , скажетъ Судья , а козакамъ примолвить : забирайте братци съ собою и свій хлѣбъ съ сырца ; та-ни добродію , мы соби кушимъ на базарн : забирайте , забирайте , съ гнѣвомъ повгоряетъ Судья , и немедлите Отамановъ , бо имъ не одно дило ваше ! Наконецъ взявши козакъ свой какачъ , приходятъ съ Отаманами до Кошового въ курниъ , всѣ четыре разомъ , и кланяются ему вмѣстѣ : здорови булв вельможный пане , скажутъ ему . А Кошевий отвѣчаетъ : здоровы , здоровы , панове Отаманы , прощу сѣлати .

Запорозька область

265758

~~686884~~

БІБЛІОТЕКА

264706

И. М. ГОРЬКОГО

тогда тяжущиеся козаки стоя у дверей, возль порога, кланяются и паке Кошевому низенько. И кладутъ калачи на сырно: кланяемся вельможный пане хлвбомъ и селью . . . благодарю паны-молодия за хлвбъ и за селъ, отвѣчаетъ вельможный. Потомъ спрашиваетъ Кошевый Отамановъ: що-се у васъ панове Отаманы за козаки? Тогда Отаманы начинаютъ пересказывать Кошевому все дѣло и происшествие ихъ по ряду якъ було сначала и до конца, а козаки стоять у порога. Потомъ выслушавши Кошевый дѣло, обращается до обидчика и говоритъ ему: ну якъ же ты, братчику, думаешь рѣшиться съ симъ козакомъ, указывая на обиженнаго. Васъ рѣшила Паланка, васъ рѣшили Отаманы, васъ рѣшилъ и Судья Войсковый, а потомъ дѣло дошло и до мене, о чемъ я разлухавиися, признаю, що Паланка рѣшила дѣло ваше правельно, которое и я утверждаю и нахожу тебя во всемъ виновнымъ; такъ теперь, що уже ты миши скажешь, согласенъ-ли ты будешь обиженнаго подовольствовать? Ни, вельможный пане, требуе лишне, и я несогласенъ на то.—Наконецъ опять ему Кошевый скажетъ громко, строго и со гнѣвомъ: такъ ты братчику несогласенъ? такъ, вельможный пане, не согласенъ, у воли нашей, и кланяется ему низко. Ну добре, колижь ты несогласенъ;—потомъ Отаманы встають съ мѣста, видя Кошевого во гнѣвѣ, кланяются ему вмѣстѣ съ козаками всѣ четыре разомъ и прощаяся

Отаманы съ Кошовымъ, по обычаю, выходятъ изъ курня, а также и тяжущіеся козаки поклонившись скажутъ вельможному: прощай, вельможный пане! Прощайте паны-молодци и часъ не забувайте, скажетъ наконецъ Кошовый и выходятъ въ слѣдъ за ними изъ курня, и когда выйдутъ на дворъ всѣ, то Кошовый крикнетъ на сторожей: сторожи! кивъ; потомъ сторожи бѣгутъ и кін несуть оберемками; тогда вельможный скажетъ: ну лягай братчику, ось мы тебе проучимъ якъ правду наблюдать и панивъ шанувати. Помилуй вельможный пане, вопієть тогда виноватый не своимъ гласомъ до неба. Ни, братчику, нема уже помилванія, коли такий упрямый; козаки! на рукахъ и на ногахъ сидайте и каптаны его на плечв закладайте; сторожи! бійте его, сучего сына, добре кійми, щобъ знавъ по чому кивить лиха!—И когда кін начнутъ между собою розговаривать и по ту и по другую сторону, то виновный козакъ мовчить уже тогда и слухаетъ готового, що кажутъ. И когда виновного добре уже унотчиваютъ т. е. до 50 или до 100 кінвъ дадутъ, то тогда опять Кошовый крикнетъ: полно....и сторожи поднявши кін на свои плечи стоятъ, якъ солдаты съ ружьями на часахъ, а козаки виновного еще держатъ, сидя на рукахъ и на ногахъ, дожидаясь послѣдняго рѣшенія. Тогда качиваетъ Кошовый говорить къ виновному: послухай братчику, якъ тебе Паланка рѣшила, и сколько

обязанныи требуютъ. заплати ему временно, да сей-часъ заплати, при моихъ очахъ. Тогда виновный, пока отвѣчаетъ: чую, вельможный пане, чую, и готовъ все исполнить, що прикажешъ. — А шо оне тебѣ выбише, то свое здоровье, шобъ ты не гуже мудровать и не уярмився, продолжаетъ Кошевыи: може тебе братчуку яще прибавитъ кивъ? Тогда виновный со слезами и воплемъ крикнетъ, о! помилуй, помилуй вельможный пане! буде съ мене в сего до-вину: не буду уярмиться и буду шавувать панство; тогда наконецъ, когда вельможный угамуется т. е. перестанетъ сердится, то скажетъ козакамъ и сторожамъ своимъ экзекуцію отправляемимъ: ну полно, вставайте и козака на волю пускайте, а кнй подалыше ховайте. — И тѣмъ кончается судьба виновнаго и рѣшеше безъ всякаго на бумагѣ судопроизводства, и если имѣеть виновный при себѣ деньги, то тотъ-часъ-же и платитъ обвиненному сколько слѣдуетъ, если-же ее имѣеть, то Кошевыи призываетъ Отамана обличикова курниа тутъ-же при производстве суда стоящаго: ну пане Отамане, принеси за-разъ деньги изъ своего курниа и удовольствуй обвиненнаго, а ты съ нимъ послѣ вѣдайся ясь хочешь и имѣешь право разыскать съ него. — Вотъ какъ у насъ булки суды и права по Забороженнымъ обычаямъ и хотя-бы на 1,000 или на 10,000 суммы въ тяжбыныхъ двадц, то въ одну недѣлю времени все рѣшеше будетъ и да-

лѣе волочится по судамъ нестануть. А такимъ-же образомъ и важныя преступленія рѣшались, яко-то : воровство , грабежи и убійства и прочія беззаконныя дѣла , влекущія за собою смертную казнь.

V.

О СМЕРТНЫХЪ КАЗНЯХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

=

Всѣ козакъ Запорожскіе обыкновенно принадлежали до Сѣчевыхъ курней , въ коихъ было по 1000 и болѣе , какъ выше сказано , и какъ прованіе курня , на примѣръ Канивскій или Пластунивскій курень прозывается , то такъ и козакъ по курню называется , не только тотъ , который въ курнѣ на службѣ безотлучно находится ; но и тотъ , который спитъ зимовникомъ т. е. домомъ своимъ къ тому-же курню принадлежитъ и именуется по тому курню. Изъ сихъ козаковъ большая часть была холостыхъ , которые въ особенности отъ Сѣчи назывались : «спромамв» и занимались только въ свободное время отъ службы рыбною и звѣрною ловлею , а въкоторые были женаты и занимались у своихъ зимовникахъ хлѣбопашествомъ , скотоводствомъ и ичеловодствомъ и другими разными хозяйственными промыслами ; которые-же были холосты , но имѣли свои достатки , такъ-же занимались хозяйствомъ и имѣли свои зимовники

и челядь т. е. прислужниковъ. Весь-же козаки, живущіе по зимовникахъ безъ изъятія отбывали повинности до куреня и до Стѣчи, принадлежащія, яко-то: караулы, кордоны и въ случаѣ войны шли на сраженіе. Но изъ сихъ всѣхъ женатыхъ и сидящихъ въ зимовникахъ мало было преступниковъ; а холостые свромы сей участи больше подлежали, ибо шо въ ями по рыбаляняхъ, или на звѣриной ловли загорають, то, все то чрезъ пьянство скоро и прогайнують, и видя уже послѣ, шо ничимъ похмелиться, да и нивиткиля поживиться: заробятки ушли, а гроши пропли, то тогда уже неизбежно простраются и до дальняго распутства и отваги самовольно, а воля и отвага: или «мель пье, или кандалы тре», по пословици. И когда уже спрома доходила до такого состоявія, то неудержно сіи шалуны пускались великими шайками на добычу, и начинали красть, грабить и убивать. Ибо они грабили чумаковъ на великихъ шляхахъ, дѣлали разбой надъ проезжими купцами и драли ляхвъ и жидовъ у Польщи такъ сильно, что ляхи отъ страха гнали дома и жилища свои и уходили до ясу во внутреннюю Польшу, за Варшаву, а жиды безъ вѣсти бѣжали и духу боялись Запорожскаго. Между сими Запорожскими шайками у каждой были «Ватажки» или Отаманы и по ихнему назывались еще «Характерники» т. е. такіе волшебники шо ихъ ни какое огненное оружіе, ни пуля, ни пушка умертвить не можетъ; и

когда бывало деруть ляхивъ, по великимъ и богатымъ дворамъ, въ копяхъ хотя на сей случай въ осторожность и весьма великое бываетъ количество сторожей и вооруженныхъ часовыхъ, то «Ватажокъ» такъ очаруетъ всѣхъ въ домѣ, что никто изъ нихъ не услышитъ и не увидитъ ни единого козака изъ его шайки и тогда уже они берутъ, що хотятъ и возвращаются въ Сѣчь, а потомъ «дуванятся» т. е. дѣлятся добромъ, часть на козакивъ, часть на Ватажка, а часть на куриня. Посему-то самому якъ видно, и нѣкоторые куринные Отаманы дѣлали имъ поблажку, ибо не всякій Ватажокъ собравши шайку тайно, ходилъ на добычу; но большею частію за вѣдомомъ куриня, по той причинѣ, что когда бывало употребится Ватажокъ на добычу, и проситъ у Отамана козаковъ, то куринный Отаманъ приказываетъ Ватажковъ: ну братчику, гляди-жь, щобъ ты якого козака не утративъ; то тоди уже и до куриня не вертайся; сирѣчь: крадь, да кинци ховай. Тогда Ватажокъ надѣясь на свое характерство отвѣчаетъ Отаману: ни, батьку! будутъ вси цѣли. И такъ спромы до таковой степени шалостей по своему характерству доходили, що послѣ разбоевъ грабительство и убійство, дѣлали такія еще страшныя и безчеловѣчныя нестования, що нельзя и говорить и на бумагу положить. О семь доходили жалобы не только до Сѣчи но и до Столицы, чрезъ шо самое почти и Сѣчь атакована и уничтожена; а пре-

ступники тогда было, если поймаются въ воровствѣ, грабежѣ или убійствѣ, то судъ имъ коротокъ и не долго съ ними возятся по судамъ, а вдругъ рѣшаютъ ихъ и казнятъ въ Сѣчи или по Маланкамъ, смотря по преступленіямъ: иныхъ вѣшаютъ на шибиницу, иныхъ убиваютъ кѣми до смерти, иныхъ сажаютъ на пали, а иныхъ отсылаютъ на Сибирь. Воровство-же и грабежъ, если по жалобамъ открытается и виновнаго поймаютъ, то пополняютъ курши, къ которому виновный принадлежитъ, и если онъ у себя достатка неимѣетъ, а отъ наказанія неосвобождается по праву приговора, чего достоинъ и тѣмъ обложеннаго на жалобѣ довольствуютъ, а убійство также замѣняютъ убійствомъ и убиваютъ преступника до смерти, какая казнь будетъ положена, тоже по приговору начальства. Первая казнь: шибиницы *) , которые устроены были по разныхъ мѣстахъ надъ большими шля-

*) Отъ казней сего рода, по совершенномъ уже опредѣленіи оныхъ виновному, можно было избавиться однимъ только случаемъ: ежели дѣвушка объявитъ свое желаніе, вытти замужъ за преступника. Вотъ отсюда и вышло однажды довольно нѣчто смѣшное. Преступника вели уже на любовное мѣсто; несчастная толпа зрителей встрѣчается дѣвщи, которая всенародно объявляетъ свое желаніе, вытти за осужденнаго замужъ. Разумѣется, всё остановилось и замолкъ; осужденный требуетъ, снять съ дѣвщи покрывало, дабы онъ могъ посмотреть на нее. Взглянулъ, и заговорилъ: ну, когда уже на такой жептятся: то лучше умереть. Вените меня. Что в послѣдовало. Пронашествіе сіе было въ г. Новомосковскѣ, въ тогдашней Запорожской паланкѣ, гдѣ мѣста шибиницъ и прочихъ казней, познна, еще нѣкоторыя изъ жителей уваживаютъ ихъ любовными.

хами, почти во всякой Паланкѣ, и преступника верхомъ подвезши лошадыю подъ шибиницу, и нагнувши на его голову сльцо, лошадь ударятъ плѣтью и она оттудова выскочитъ, а преступникъ повиснетъ; а иного вѣшали до горы ногамъ, а иного за ребро крикомъ желѣзнымъ, и висеть преступникъ пока кости его разсыплются, въ примѣръ и страхъ другимъ, и никто его оттуда снять не смѣетъ подъ казнью смертною. Вторая казнь: острая «палъ» или столпъ деревянный вышиною въ 6 аршинъ и болѣе, а на верху пали воткнутый былъ желѣзный шпиль тоже острый въ 2 аршина вышиною, на который шпиль насаживали преступниковъ, такъ что шпиль выходилъ на полъ-аршина въ потылицу выше его головы, и сидеть на томъ шпилѣ преступникъ дотолѣ, пока изсохнетъ и выкоренится якъ вяла рыба, такъ что когда вѣтеръ повѣетъ, то онъ крутится кругомъ якъ мельница и торохтятъ всѣ его кости, пока упадутъ на землю. Третья казнь: «кѣвъ» Запорожскіе; они не такъ велики и толсты, а подобны бичамъ что у цѣповъ, ковми хлѣбъ молотятъ; дубовые или изъ другаго брѣвѣкаго дерева нарубленные. Преступника вѣжутъ или куютъ до столба въ Сѣчи или въ Паланкахъ на площади, или въ базари, потомъ поставляютъ около его разные наивтки въ кнѣвахъ к. т. горилку, медъ, пиво и брагу, и навладутъ такъ-же довольно калачей и наконецъ принесутъ такъ-же нѣсколько оберемковъ и кѣвъ

и положить около столба гдѣ преступникъ, и принуждаютъ его ѣсть, пить, сколько хочетъ. — и когда наѣстся и напьется, тогда козакъ начинаютъ его бить киями, такъ что всякой козакъ кто только идетъ мимо его, выпивши корякъ горилки, или пива, непременно долженъ ударить его по разу киемъ и когда ударить (де хто якъ попалъ, по головѣ или по ребрахъ), тогда такъ ему приговаривають: отъ тоби, сучій сыну, щобъ ты не кравъ и не розбивавъ, мы всѣ за тебе куринемъ платили. И потудова сидять или лежить преступникъ около столба, пока убьютъ его до смерти. Четвертая казнь: отсылка въ Сибирь, по обычаю якъ и Россія отсылаетъ преступниковъ. И за всѣми сими наказаніями и страхомъ въ бытность уже Кошевого Кальныша совершенно уже ихъ разбой смирили и прекратили злую волю; о чемъ и я (Коржъ) довольно помню, но Стѣчь уже ихъ неупустила. Теперь скажемъ еще нѣсколько

VI.

О ЗАПОРОЖСКИХЪ ОБЫЧАЯХЪ И ОБРЯДАХЪ.

Обычай Запорожскіе чудны, поступки хитры, а рѣчи и вымыслы остры и большею частию на насмѣшку похожи.

1) Запорожцы всѣ вообще головы брили, и оставляли только одну чуприну (т. е. пучокъ не-

нень и пушисть, какъ и вся его кожа; цвѣтомъ молодой—сѣрой, а старой—черноватъ, на подобіе кувницы. Сей звѣрекъ у Запорожцевъ назывался «виднихою» или выдрою и кожа его была въ великой модѣ, а особливо для шапокъ и платил дорого не только Запорожцы, но и Ляхи и Жиды;— а потому уже самому и вошли у Запорожцевъ въ обычай, что шапку — хотя-бы изъ самаго простаго сукна или изъ кожи пошита была,—всегда называли кабардинскою.

3) Запорожскіе казаки въ разсужденіи всегдашней поѣздки, а особливо въ военное время и въ отрядахъ и посылкахъ, рѣдко имѣли особенныя экипажи, кромѣ верховыхъ лошадей, на коихъ были седла дорогія съ разукрашенными ченраками и со всею козацкою зброєю; съ переду седла пришиты были два кубура т. е. чехлы или футляры кожаные, для пистолей, а изъ задн, въ торкахъ, увязана бурка и прочій самопужибѣйшій припасъ. Амундцію и все военное оружіе имѣли они на лошадяхъ якъ-то: ратище (копье), саблю и 4 пистоля: 2 въ кубурахъ а 2 за поясомъ. На грудяхъ вмѣсто лягушки, вокругъ казака обвязъ шпорокій черезъ, или патронтажъ, наполненный въ два или въ три ряда запасными патронами съ порохомъ и пулями. Ружей-же и пушекъ при сраженіи, у верховыхъ козаковъ, не было; а у употребляли они ихъ тогда, когда ходили на лодкахъ и дѣлали, подъ неприятельскими городами, вылазку; тогда и верховые казаки

24.03.82
OK

спѣшивались и съединясь съ флотскимъ войствомъ, гавали артиллерию пособіе разными способами и орудіями.

4) При свиданіи и поздравленіи другъ друга, обычай у Запорожцевъ былъ тоже мудреный, а особливо въ Сѣчи и по зимовникамъ. на прим. когда вздумаетъ одинъ козакъ, или многіе вмѣстѣ согласившись, поѣхать до другаго козака въ гости, до куриня или до зимовника, или и за-другимъ какимъ нужнымъ дѣломъ ѣдутъ или по пути заѣзжаютъ на ночлеги, то здоровкаются т. е. одинъ другаго привѣтствуютъ такъ. Приѣхавши во дворъ хозяйскій, сѣдя еще на лошадахъ, одинъ изъ нихъ крикнетъ громко: « пугу! пугу! пугу!» (т. е. здоровъ), три раза, разомъ и за однимъ духомъ; а хозяинъ куриня или зимовника отзывается къ нему въ окошко тоже: пугу, пугу, два раза, а приѣхавшій гость отвѣчаетъ ему: « казакъ съ лугу, » наконецъ хозяинъ какъ въ окошко крикнетъ: « повѣшайте тамъ, де и наши т. е. вяжите кони до ясель и просимъ до хаты. Тогда хозяйскіе хлопцы вдругъ выбѣгаютъ изъ зимовника или изъ куриня, принимаютъ отъ гостей лошади, въ свои руки, ведутъ въ конюшню до ясель и присматриваютъ за ними. дотѣли, пока приѣзжіе козаки у хозяина гостювать будутъ; потомъ гость или гости когда войдутъ въ хату то перекрестившись до иконъ, говорятъ къ хозяину: отаманъ, товариство, ваши головы! и кланяются ему; тогда хозяинъ взаимно кланяется

нимъ и отвѣчаетъ : ваши головы, ваши головы! прошу паны-молодци сидати, и послѣ того пойдетъ уже попойка меду, вина и горилки и прочаго, а чаю и пуншевъ и кофе у Запорожцевъ не водилось, кромѣ варенухи, и то у богатыхъ и почетныхъ козаковъ. Варенуху варили поподамъ т. е. водку съ медомъ, клали въ нее перецъ и «сушь» изъ разныхъ фруктовъ, который напитокъ у Запорожцевъ былъ въ велвкой модѣ, и за особенное угошеніе почитаютъ, если въ чіемъ домѣ варенухою подчуютъ. Наконецъ подгулявши, хозяинъ съ гостями и поговоривши, що треба, хорошенько, призываетъ кухаря и приказываетъ ему варить обѣдъ или вечерю для гостей, а кухарь спрашиваетъ хозяйна : шожь батьку прикажете варить?—Вари братчипну тетерю до воды, на скору руку или до меду, бо теперь пивный день! — если случатся гости въ Середу или въ Пятницю, или въ постъ, а въ скоромные дни говорятъ : до молока, до масла тетерю. Когда-же гости погулявши день, или иѣсколько дней сряду, вздумаютъ ѣхать по домамъ, тогда благодарята хозяйна : спасибѣ батьку за хлѣбъ и за спль, порѣ уже по курниамъ разѣзжаться до домивки; просимъ батьку и до насъ, коли заска, и оставайтесь здорови! а хозяйинъ имъ отвѣчаетъ : прощайте и выбачайте паны-молодцы, чимъ богаты, тымъ и рады; просимъ не погнѣваться! в потомъ гости выходятъ изъ курниа, а хлопци хозяйские подаютъ имъ кони накормлены панешы и осѣд-

лавы. И сей обычай былъ у Запорожцевъ не только къ пріятелямъ и знакомымъ, но и ко всемъ иностраннымъ людямъ и наблюдали сию странную любія добродѣтель, очень строго и безуспешительно по ихнимъ преданіямъ. Сверхъ того въ обычаѣ у нихъ было и то, что всякій козакъ а особливо между простыми т. е. табушникъ, скотарь и чобань опоясывались ремненнымъ (кожанымъ) поясомъ и чрезъ плечо навѣшивали «гаманъ» кожаный, украшенный разными мѣдными серебрянными и золотыми блестящими, пуговицами, у коемъ гаманѣ носили кресало, кремь и губку, у запасъ, для всякаго случая; а около пояса привязывали швайку и ложечникъ всепремѣнно—швайку для бочинки лошадиной сбруи, а ложечникъ для сохраненія въ чѣлости ложки, что почиталось у нихъ за особенную и крайнюю необходимость; и то не козакъ, кто по обычаю сему непоступаетъ, и почитали его за самага нерадиваго и несправнаго пастуха. Ибо на примѣръ сказать, когда пастухъ или чобанъ вздумаетъ пойти или поѣхать изъ своего коша до другаго сосѣдняго коша, по надобности, и пришедши туда если застанетъ, что пастухъ обѣдаютъ или вечеряютъ, то говорить имъ хлебъ да сѣль ваши-молодци! а они отвѣчаютъ ему: имо да свій, а ты у порога постій. Ни братни! давайте в мѣни мѣсто, отвѣчаетъ гость, и вынимаетъ заразъ свою ложку изъ ложечника и садится съ ними вмѣстѣ, и тогда тамошніе

чобаны похваляютъ пришедшаго гостя и говорятъ : отъ — козакъ догадливый и исправный ! вечеряй, братчику, вечеряй...и даютъ ему мѣсто и привѣтствуютъ дружески. Если-же, который звычайя сего незнаетъ, съ того смѣются и называютъ олухомъ (дуракомъ). Когда-же пастухъ пришедшій или другой какой-либо гость не застанеть ни обѣда, ни вечера въ какое-бы ни было время, то тотъ-часъ Отаманъ Коша поздоровкавшись съ гостемъ, по обычаю, приказываетъ кухарю своему варить тетерию, мамалыгу или мялай и накормивши гостя спрашиваетъ : зачемъ прійшовъ ? Что-же значить кошъ, тетера и мялай, о томъ поясню въ слѣдующемъ пунктѣ.

Во время Запорожья, до атакванія Сѣчи, не было никогда зимы холодной, в таковой никто не замечалъ : а потому скотъ на станахъ либо в немъ кочевалъ ; для случающихся-же холодныхъ вѣтровъ в непогоды у пастуховъ были коши и котиги. Кошъ подобился наплаткѣ, обшитъ вокругъ полстями и устроенъ на двухъ колесахъ, дабы съ мѣста на мѣсто можно было его удобнее перевозить, куда надобность укажетъ ; въ немъ была « кабица » для огня и пастухи отъ непогоды перегрѣвались и пересушивались и варили пищу для себя, а также в кормъ для собакъ. Тетерию они варили изъ ржаной муки и пшена, но прежде ее учиняютъ расчиною, какъ и тѣсто на хлѣбъ. Мялай и мамалыга — все одно, и варили его изъ просяной муки съ одною во-

люю, несоливши. потому что кушаютъ его съ со-
ловымъ сыромъ, или съ брынзою въ скромныя
дни, а иногда и галушки варятъ съ постромою
(съ баранною). А также и коржи пекутъ бы-
вало изъ пшеничной муки и называли оныя «за-
гребамп», потому что ихъ въ кобци жаромъ и
попеломъ загребаютъ, пока спекутся. А котига у
нихъ называлась пребольшая арба, или воль-
ный возъ на четырехъ колесахъ, въ которомъ
возили за собою всю пастушью провизию, воду
харчъ и дрова, и когда на одномъ «тырлѣ» пану
скотомъ или овцами потравлять, то переходятъ
на другое мѣсто, щутъ лучшей пашы и такимъ-
образомъ кочуютъ въ степяхъ лѣто и зиму какъ
двигіе Ногайцы или Калмыки.

5) Козаки Запорожскіе, а особливо Сѣчовики,
по вольности Запорожскаго духу, и веселаго ха-
рактера имѣли, по звичаю своему, великую на-
клонность къ шуткѣ и насмѣлкамъ, такъ что
съ самаго малѣйшаго случая, или поступка, или
походки козака, вдругъ выводятъ великія не-
дѣльности и прикладываютъ прозвища одинъ дру-
гому т. е. даютъ мудренныя названія и имена,
случаю и поступкамъ соответствующія. Такъ на-
примѣръ: если какой козакъ отъ неосторожности
спалитъ куринь или зиковникъ, того называютъ
Палиемъ; если который варитъ пшцу и раскла-
даетъ огонь надъ водою, того называютъ Пали-
водою; если который ходитъ согнувшись отъ
цемоши или отъ природы, того называютъ Гор-

бачемъ ; если который противу обычая , не терю варить себѣ въ пищу а кашу , того называютъ Кашкою или Кашоваромъ . Если который козакъ необычно малъ ростомъ , того называютъ Махиною , а который самага великаго росту , того называютъ Малютою ; если который проворенъ и ходитъ скоро и пдучи поскользнется и упадетъ , того называютъ Слизькимъ ; если который неуклюжъ и ходитъ нескоро , того называютъ Черепахою ; а который худъ лицомъ и безсвляенъ , того называютъ Гнидою , и такъ далѣе . Отъ каковыхъ случаевъ и поступковъ и мой родной отецъ , отъ предковъ ведшій свою фамилію Жаланъ , въ Сѣчи получилъ названіе Таранъ , коимъ въ олѣйницѣ бьютъ олѣю , а крестный мой отецъ Качаловъ , получилъ прозваніе отъ качалки , кою платя качаютъ , и все по случаю ; а равнымъ-образомъ и я Коржъ получилъ себѣ прозваніе отъ коржа такимъ-образомъ . Я съ молодыхъ лѣтъ былъ очевъ проворенъ и рѣзвъ ; разъ ѣхавъ изъ Новыхъ-Кодакъ до Сѣчи , теже съ молодыми хлопцами , мимо большой могилы , называемой Чертомлыкъ , не далеко отъ Сѣчи , гдѣ нынѣ Покровское , вздумалось намъ полюбопытствовать и взойти на самый верхъ этой могилы , на которую была тропинка утоптана , и когда мы взойли на могилу , и поглядѣвши съ оной сюды и туды начали опять возвращаться въ низъ , то товарищи мои пошли по тропинкѣ , а я бросился на простецъ ,

как могла была весьма крутая и по одной сухой камынь, а на ногах у меня были постолы скользкие, то я поскользнувшись упалъ я съ самой вершины горы: бокомъ катился до низу, якъ коржъ, и отъ того случая товарищ мой разсмѣявшись, называли меня Коржомъ и прѣхавши въ Сѣчь, объяснили мое происшествіе всемъ куриннымъ козакамъ и крестному моему отцу Началову, который сказалъ: да нехайже буде Коржъ: бо и мене Началомъ прозвали за одну зробленную мною качалку; ще будешь робить, коли тутъ такая поведенія! терпи хлопце, козакомъ буденъ; а изъ козака понаденъ и въ Отаманы: бо съ посмеху люди бувають!

б) Теперь-же нѣсколько скажемъ о тѣхъ порядкахъ и обычаяхъ, которые были, по куриняхъ, у Сѣчи. Сколько было числомъ куриней, о томъ выше сказано, ибо ихъ было 40, все они выстроены были въ Сѣчи, въ одномъ мѣстѣ, и не такъ какъ обыкновенный куринь для пашанъ пастушій строится просто, но были рубленныя и изъ рѣзаного лѣса, ибо «великій лугъ» на лѣсъ былъ достаточенъ; а притомъ столь обширны были палаты, что по 600 козаковъ и болѣе могли вмѣщаться въ каждомъ куринѣ, во время обѣда. Куринь строился подобно трапезѣ, безъ всякихъ чулановъ и перегородокъ, такъ что внутри онаго, вокругъ, около стѣнъ, до самыхъ дверей стояли столы, а около столовъ, такъ-же вокругъ, скамьи, на коихъ садятся козаки обѣ-

дать, а первое мѣсто для Отамана было подъ
 иконами. Иконы были богатые и украшенные,
 окошки также были большія и частыя; вокругъ
 и во всякомъ курниѣ, по срединѣ висѣли велико-
 лѣпныя павесады, а подъ иконами лампы,
 коя въ большіе праздники были зажигаемы. Печи
 большія, для печенія хлѣба, были особо отъ ку-
 рвня построены и въ особомъ отдѣленіи, а въ
 курниѣ одинъ только грубы т. е. манерныя печки—
 на манеръ аглицкихъ. Повары тоже были въ
 особомъ отдѣленіи и варили пищу разную; но
 первая была: тетеря, рубцы, галушки и рыба
 «на стябло», а свиначую голову до храну, а
 иногда и локшину на перемѣну, и проч. и проч.
 что водилось по ихъ Запорожескмуъ обычаю.
 Потомъ когда пищу изготовлять в время обѣдать:
 насыпаютъ (наливаютъ) кухари въ деревянные ва-
 ганы и ставятъ на сырнѣ, по всѣхъ столахъ, око-
 до которыхъ вагановъ ставятъ въ рядъ и разные
 напитки: горилку, медъ, пиво и брагу, у боль-
 шихъ ковахъ, тоже деревянныхъ, и вѣшаютъ
 на нихъ коряки, таковыя-же, которые и назы-
 вались по козацки «мхайдяки»: ибо у Сѣчп
 оюмокъ и стакановъ не было. Когда-же козаки
 ирїйдуть съ Отаманомъ въ трапезу, то помолви-
 шись Богу, садится Отаманъ на первое мѣсто у
 конца сырнѣ поль образами, а потомъ и козаки
 тоже садятся во кругъ столовъ и начинаютъ
 трапезовать; когда-же кухари подають рыбу
 на стябло, то всегда по ихнему обычаю кладуть

головы изъ рыбы передъ Отаманомъ, и сей
обычай до рыбы касающийся по всемъ курциямъ
и зимовникамъ одинаковъ былъ. послѣ-же того,
когда побѣдасть молятся Богу, и кланяются
Отману и другъ другу и благодарятъ кухаря:
спасибѣ братчику шо нагодувавъ козакнѣ! На-
конецъ выходя Отаманъ изъ за стола кладеть
копѣйку въ карнавку, а равно и всѣ кидають
въ карнавку тоже по копѣйкѣ, а кто и больше,
и потомъ расходятся по своимъ мѣстамъ, а
девки карнавочные получаютъ кухаря, и поку-
насть въ базарѣ за оныя, что слѣдуетъ для
трапезы съвѣстное. Кушать варили въ Сѣчи, по
курциямъ, всякой день три раза не въ горникахъ,
но въ мѣдныхъ казанахъ или въ чугуныхъ, на
кабинѣ, а не въ печѣ.

7) Сѣчевые козаки занимались по обычаю и
звѣриною охотою, рыбною ловлею; ибо въ ве-
ликомъ лузѣ по причинѣ непроходимаго и гу-
стаго лѣса и сильныхъ камышей около озеръ и
лнмановъ водилось великое множество дикихъ звѣ-
рей, якъ-то: оленей, бозъ, свиней и лисицъ, а
по степяхъ такъ-же было премного волковъ, зай-
цевъ и бабакогъ, и за покункою божь сихъ
звѣрей, прїѣзжаютъ бывало промышленники изъ
разныхъ мѣсть, съ Малороссіи и Польши, въ ар-
манки до Сечи. А также и рыбные ловли у шихъ
были чрезвычайныя, въ Днѣпрѣ, по озерамъ
и по лнманамъ, а особливо въ Тилигулѣ, на
Хлибурской Косѣ, около лнмана и на Тенарѣ

такое великое изобиліе, что не только вся Украина Запорожская ею обогащалась но и Польша вся, и Гетманщина и прочіе околичныя жители довольствовались рыбою отъ Запорожскихъ рыбныхъ заводовъ.

8) Наконецъ слѣдуетъ объяснить еще и о томъ, что между Запорожскими обычаями были и благочестивыя обряды, относящіеся до Христіанскаго закона и добродѣтелей. Ибо изъ козаковъ было очень много набожныхъ, страннолюбивыхъ и любящихъ благолѣіе церковное, а особливо изъ престарѣлыхъ, кои ходили на всякое почти славословіе ежедневно, украшали церковныя иконы, исправляли богатыя хоругвы и кресты, обогащали различныя утвари и церковныя св. сосуды драгоценными каменьями и велюклѣнными издѣліями, такъ, что во всей Россіи едвали гдѣ была ризница превосходнѣе Запорожской ризницы *) и достатка церковнаго

*) Въ ризницѣ Покровской находилось: Евангелій большихъ и малыхъ, серебромъ окованныхъ, съ каменьями при нѣкоторыхъ. 11.
 Крестовъ серебряныхъ и деревянныхъ въ серебряномъ окладѣ, въ томъ числѣ одна серебряная доска, съ рѣзнымъ въ ней деревяннымъ крестомъ, и таблица серебряная, вызолоченная, на которой изображены Покровъ Божія Матери и Воскресеніе Христова 37.
 Лампады великихъ серебряныхъ вызолоченныхъ и безъ позолоты 29.
 Навсвѣдиль большихъ серебряныхъ. 4.
 Потировъ серебряныхъ, дисковозъ, звѣздницъ, зипницъ, чашъ, чарокъ, сіяльничковъ, куманювъ, кадильницъ, кружекъ и пречаго тому подобнаго 139.
 Подсвѣчничковъ 40.
 Вѣшницъ и коронъ 69.
 Шать, пшм ризъ на плечахъ, серебряныхъ и вызолоченныхъ. 16.

ла щоть казны т. е. денежной суммы, по той причине, что Запорожны были большею частию холосты, а имѣли многія тысячи денегъ и многочисленное скотоводство по зимовникамъ, и по смерти козака все таковое имущество отписываютъ бывало на церковь Свечевую и на монастырь *), который былъ въ той-же Свѣчѣ и надъ самою рѣкою Подпольною. Въ семь монастырѣ былъ всегда одинъ настоятель и 12 чело-вѣкъ монашествующихъ, въ числѣ коихъ были иеромонахи и иеродиаконы по ихнему чинополо-женію, и имѣли какъ въ Свечевой такъ и въ монастырской церкви ежедневное седмичное слу-женіе, и сіи монашествующіе, какъ и настоя-тель въ случаѣ смерти ихъ, или перемѣны, по-

Царскія двери совсемъ слитыя изъ серебра и вызолоченныя, длиною въ косовую сажень	1.
Медалей золотыхъ, бронзовыхъ и малыхъ, жалованныхъ Запорож-цамъ за заслуги и при особыхъ случаяхъ, червонцевъ къ иконамъ привѣщенныхъ, всего	157.
Жемчугу всякаго и крунаго на иконахъ, нитокъ	37.
Орѣховой палочкѣ, черепанками и перловыми ренейками опра-вленнѣй, отъ Иерусалимскаго Патриарха въ Запорожскую Свѣчъ присланный	1.
Ризъ и стихарей драгоценныхъ, парчевыхъ и бархатныхъ съ орарами, подризниками, подсаши и поручаи, болѣе	300.
И такъ всѣхъ вещей	841.

*) Въ Свѣчѣ Запорожской хотя и были дѣйствительно мона-шествующіе, прииславшіеся сюда изъ Кіево-Межигорскаго мона-стыря, однакожъ монастыри туго въ собственномъ значеніи не было, а былъ таковой, « войсковымъ » называвшійся, на рѣкѣ Самарѣ, который и до-сихъ-поръ существующъ, именуется Самарскимъ. Опи-саніе сей обители изложено въ особенной книжкѣ взданной въ Одессѣ въ 1838 году, подъ названіемъ: « Историческая Записка, о Пустынно-Николаевскомъ Самарскомъ монастырѣ, » 68 стр. in 8°.

свящаемы были въ Кіевской Лаврѣ и рѣдко изъ одной насылаемы были въ Сѣчь кромѣ настоятелей, ибо по произволу Кошового или Старшины, настоятель самъ, изъ Запорожскихъ козаковъ постригалъ въ монахи. Также и бѣлое духовенство, по Паланкахъ и по прочихъ мѣстечкахъ, гдѣ существовали церкви, производилось во священство изъ своихъ-же Запорожцевъ, ибо между ними таковыя были грамотѣи, съ особенными голосовъ дарованіями, что и въ Лаврахъ и въ Столицахъ рѣдко отыскать можно бывало подобныхъ имъ, по той причинѣ, что въ Сѣчи было разной величины довольно. Не только изъ поповичевъ, которые проходили на своихъ мѣстахъ формальнымъ порядкомъ науки, но изъ панскаго поколѣнія образованные дѣти, возмужавшіе и по какимъ-нибудь случаямъ, а особливо по преступленіямъ, стыдась и боясь наказанія, бѣжали въ Сѣчь. Теперь опять возвратимся къ монастырю Запорожскому: онъ назывался и городкомъ или крѣпостію, ибо въ немъ было много строеній Запорожскихъ пановъ (гдѣ и Кошевой жилъ) и для случая набѣговъ непріятельскихъ устроены были крѣпостію и оставлены вокругъ пушками, на высокомъ земляномъ валу расположенными; сверхъ того городокъ со всѣхъ почти сторонъ окруженъ былъ рѣкою Подольною, такъ, что съ одной только стороны, сухопутьемъ, былъ небольшой въѣздъ съ огромною башнею и часовыми на ней козаками. Церковь

ювастырская, а также и Сѣчевая были деревянныя и сваружа не такъ видныя. Обѣ онѣ какъхъ оградъ не имѣли. При Сѣчевой церкви выстроена была большая и высокая колокольня, въ особомъ однакожь отлѣненіи отъ церкви, съ четырьмя большими отверстіями т. е. окнами, въ коихъ утверждены были пушки для стрѣльбы какъ во время набѣговъ неприятельскихъ, такъ и церковныхъ церемоній, изъ сихъ пушекъ по великимъ особымъ праздникамъ яко-то: въ день Пасхи, въ день Богоявленія и въ день храмовый, проделывали стрѣльбу; ибо въ нарочитые праздники особый и удивительный былъ зрѣнію видъ, какъ въ разсужденіи церковной церемоніи, такъ и обрядовъ и обычаевъ козацкихъ. Напримѣръ скажемъ: въ день Богоявленія, всѣ Сѣчевые козаки со всѣхъ мѣривей безъ изыатія, а равно и изъ зимовивковъ и изъ заводовъ, гдѣ-бы кто ни былъ, собирався въ парадъ и шли въ церковь при всѣхъ своихъ амуниціяхъ и оружіяхъ и со всею войсковою артилерією на Іордань, пѣхота и кавалерія; а каждаго курня особенныя и раскрашенныя знамена бывало везуть на верховыхъ живомъ и удивительно убранныхъ лошадяхъ, а равно и все войско разодѣто въ самое лучшее и богатое платье. И когда постѣзжаются къ церкви, то такое великое множество народа занимаетъ не только все пространство около церкви, но и

всю Сѣчевую чрезвычайно обширную площадь и стоит все войско, какъ конница такъ и пѣхота чинными и устроенными рядами безъ шапокъ, дотоли пока окончится литургія; а по окончаніи оной выходитъ духовенство изъ церкви: настоятель въ переду съ крестомъ, а за нимъ и прочіе соборно служащіе іеромонахи, по парно, и несутъ Евангеліе и иконы, во всемъ драгоцѣнно сіяющемъ священническомъ облаченіи, на водоосвященіе; а за ними и все Запорожское войско со знаменами и артиллерією идетъ рядами чинно, и пришедши къ рѣкѣ тоже становятся своимъ порядкомъ, какъ и прежде. Потомъ, когда кончатся водоосвященіе и настоятель начнетъ, по обычаю, погружать крестъ въ воду, тогда со всей артиллеріи и со всѣхъ мѣльныхъ оружій ударятъ козакъ въ одинъ выстрѣлъ залпомъ, такъ громко и сильно, что кажется вся земля вострепещетъ и покроетъ всѣхъ зрителей дымомъ, какъ тьмою, что другъ друга не видятъ, по семъ на нѣсколько минутъ умолкнуть и дымъ проноситъ вѣтромъ, а канонеры дожидаются трехкратнаго погруженія креста и по окончаніи онаго начинаютъ уже жарить во вся тяжкая, сколько кому угодно, и потомъ вся толпа зрѣлищная расходится и возвращается всякъ во своен, и тѣмъ кончается церемонія.

VII.

ОБЪ АТАКОВАНИИ СЪЧИ.

=

Съчь атакована за блаженной памяти Е к а-
т е р и н ы II, въ которомъ именно году, за дав-
ностию не помню, но по счету моему уже болѣе
50 лѣтъ тому. Она атакована генераломъ Теке-
лемъ такимъ образомъ. Текелій пришедши съ
вооруженною арміею къ Диббару отдалъ приказъ
всѣмъ своимъ полкамъ, — раскомандировавши ихъ
какъ слѣдуетъ, дабы они приближась къ Запо-
рожью, въ одинъ именно день и въ урочное
число т. е. на самую Тройцу, на зеленыхъ свят-
кахъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, заняли всѣ по Диббару Запо-
рожскіе предѣлы. Самъ-же съ своею диввзіею и
артиллеріею, также въ тотъ самый день, прибли-
жился къ Съчи, и ставши за двѣ версты отъ
оной, на открытомъ мѣстѣ, разбилъ свои палатки
и велѣлъ выстровить въ линію всю свою артил-
лерію противу Съчи, не начиная однакожь ни
одного выстрѣла, а тоже и отъ Съчи не было
никакого сопротивленія. И пока стоялъ Текелій
въ палаткахъ около Съчи, два дни, въ теченіи
сего времени чрезъ курьеровъ стало извѣст-
но уже всѣмъ, какъ Съчевому начальству,
такъ и Текелію, что Россійскіе полки, заняли
уже всѣ Паланки, всѣ мѣстечки и всѣ слободы,
по всему Запорожью. Потомъ на третій уже

день послалъ Текеліи своего курьера въ Сѣчь и просилъ всю Старшину Запорожскую къ себѣ въ гости. По полученіи такого извѣстія собравши Кошовый всѣхъ куринныхъ Отамановъ, въ сходку, начали совѣтоваться : а що панове-Отаманы, теперь будемъ робити ; отъ Москаля у гости насъ кличе ! чи подемъ , чи не подемъ ; чи отдамо Сичъ Москалеви, чи не отдамо ?—Тогда Отаманы и Ватажки и прочіе Характерники начали между собою бунтоваться ; пвые согласны были смириться , а пвые противилися въ надеждѣ своего характера и говорили : нехай Текеліи приведе еще стільки вѣйска, якъ се , то мы всихъ въ пухъ розобьемъ ; якъ мухъ передавимъ ! чи то можно Сичъ и славное Запорожье Москалеви одати за спасибо ? сего николи, пока свѣтъ сонця, не буде !... ибо таковыя отважники , были всѣ свромы, бурлаки и не жнаты , а притомъ и остьдостей ни какихъ не имѣли , потому и бунтовались. Но большая часть , какъ въ Отамановъ , такъ и изъ богатыхъ козаковъ имѣя у себя женъ и дѣтей и прочія достаточныя обзаведенія по змовникамъ, и разсуждая такъ : что хотя мы войско Текеліево, находящееся нынѣ въ лагеряхъ и востребуемъ безъ-нужно, до ноги , но то бѣда, що ти полки , кое вступили уже въ наше владѣніе и заняли всѣ Паланки и слободы , услышавши наше сопротивленіе , разорать всѣ наши тамошніе пожитки , а женъ и дѣтей нашихъ безчеловѣчно уже предадутъ смерти , а потому и несогласны были.

за мѣніе бунтовщиковъ отважныхъ. А сверхъ того и бывшій въ Сѣчи, Архимандреть, услыша таковое ихъ нестроеніе и мятежь, вышедши во всемъ священническомъ облаченіи изъ церкви, съ престомъ, началъ уговаривать мятежниковъ: убойтеса Бога! что вы думаете дѣти? вы Христіане и подымаете руки противъ Христіанъ; вы Христіане и жаждете пролить кровь единоутробную! убойтеса и престаньте отъ такового начинанія: видно уже судьба ваша такова, и мы приедемъ, отъ Бога, достойная по дѣломъ нашимъ! Вотъ вамъ крестъ, и Распятій на немъ, и если вы его не послушаете, то всё погибнете внезапно!... И отъ такового разительнаго увѣщанія, я думаю, говоритъ Коржъ, каменное сердце испустило-бы свои слезы, начали плакать не только мятежники, но и вся старшина и войско, и тутъ-же всё отвѣчали Архимандриту: ну пань-отче, быть тому такъ! знавъ ты, що сказаты; мы готовы за тебе и головы наши положить, не только послухати!—Нбо они особенное имѣли къ Архимандриту уваженіе, а также и ко всему духовенству единственно за то, что Архимандрить бывало съ прочими іеромонахами попеременно, всякое Воскресенье и въ каждый праздничній день, говаривали имъ въ церкви проповѣди, наизустъ, самими разительными, по ихъ малороссійскому штылю, выражсіями, а чрезъ то самое, Запорожцы и награждали духовенство и довѣремъ и дарами очень щедро.

Теперь возвратимся и пакн къ ихъ совету. Потомъ когда уже и по увѣщанію Архимандрита и по прочимъ обстоятельствамъ всё къ единому мнѣнію склонивсь, то начали говорить Кошевому: ну батьку, вельможный папе! теперь якъ хочь, такъ в думай съ сими гостями, а мы готовы тебе слухать, чѣ идти, то идти? — тогда Кошевой имъ сказалъ: нельзя братцы ийти, бо вже се не дурница! вы сами бачете, що москаль насъ отаковавъ кругомъ в артылерію на насъ всю вооруживъ; уже се гости такіе, що ппгровши до нихъ, врядъ-ли назадъ вси вернемось. Но быть тому! такъ ппчого уже довше думать. Господы помози! дай Боже часъ добрый: ходимъ папове Отамавы; що буде, то буде, а бѣльше буде такъ, якъ Богъ дастъ! — И потомъ взявши хлѣбъ и соль пошли всё къ Текелію въ палатку и поднесши ему оный говорили: кланяемся вашему превосходительству хлѣбомъ и солью! — Благодарю Запорожники за хлѣбъ и за соль! отвѣчалъ имъ Текелій, и приказалъ слугѣ своему взять хлѣбъ отъ нихъ в потомъ спрашивалъ: кто у нихъ Кошевой в какіе по немъ первые чиновики и какъ прозываются; и когда Кошевой стоя впереди, объяснялся что онъ Калышъ, а чиновники его — Судья Касапъ и Писарь Глоба, а прочіе всё, указывая на Отамановъ, Куренные Отаманы, тоже чиновники со всѣхъ 40 куриней. Тогда Текелій просилъ Кошевого съѣсть, а также и прочимъ чиновникамъ даны были мѣста и

угостивши ихъ по приличію и распросивши, что слѣдовало, пошелъ съ ними въ Сѣчь, взявши съ собою часть офицеровъ и часть охранительнаго войска, и видя что Запорожцы здаются ему добровольно, приказалъ въ ту же минуту закрыть свою артиллерию. И пришедши въ Сѣчь спросилъ Кошеваго : куда-же ты меня, Кошевой, прежде поведешь у гости?—Тогда Кошевой поклонившись просилъ его въ свой курниъ, и всехъ офицеровъ, и предложилъ всѣмъ гостямъ богатую трапезу въ деревянныхъ ваганахъ и корякахъ, а также съ ложками и тарѣлками деревянными. Покушавши Текелій очень много благодарилъ за пищу и удивлялся чрезвычайно, что весь сервизъ даже и сосуды для напитковъ были деревянные, а пища чрезвычайно вкусная и разнообразная, и спросилъ у Кошеваго : кто у васъ такую вкусную пищу варить?—Кошевой отвѣчалъ : у насъ есть, ваше превосходительство, у курнияхъ козацкихъ очень хорошіе и искусные кухарки.—Тогда Текелій просилъ Кошеваго, чтобы и ему отпустилъ такого одного кухаря и обѣщалъ положить ему хорошее жалованье; а Кошевому обѣщалъ дать два блюда каменныхъ, а также и всѣмъ курнинымъ Отаманамъ по одному блюду, чтобы такую хорошую пищу не ѣли изъ корытъ, а изъ блюдъ. При сихъ рѣчахъ и обѣщаніяхъ Текеліевыхъ, одинъ изъ числа бывшихъ тамъ куринныхъ Отамановъ, прозваніемъ Строць, обозвавшись сказалъ Текелію : ваше

превосходительство! хоть съ корыта, та до сыта; а хоть съ блюда, та до худа! — Тогда Текелій спросилъ Отамана: что это за нарѣчіе, я его не понимаю? Тогда Строць поклонившись ему началъ объяснять пословицу: извините меня, ваше превосходительство! вы трапезу изволите кушать изъ блюдъ, да лицемъ худы (ибо Текелій былъ хотя ростомъ и высокъ, но очень худощавъ), а мы изъ корытъ вмо, да сыты: отъ, посмотрите добродію, на всихъ насъ яки мы, и розбврайте мою пословицу. Мы всегда изъ корытъ плы, та у воли в свободн жижи и ни якого горя не знали, а ваша жизнь була подъ страхомъ и трепетомъ подъ всякій часъ, такъ, шо сегодня пзвъ, а завтра пропавъ, в каменныя в золотыя блюда уже тогда ни въ пользу; такъ судитежъ милоство, добродію, не правду-ли я кажу? Тогда Текелій чудился пословицею и остроуміемъ Строца, в не только не прогнѣвался за то, но и много благодарилъ Строца, треная его по плечу. — Ну, Строць! благодарю за пословицу, она такъ справедлива, что справедливѣе быть не можетъ и я никогда ее забыть не могу; все что ни сказано въ ней, сказано къ стати, и дѣйствительно бываесть такъ, ты какъ у око влѣпилъ, по пословицѣ; прости Строць! — Текелій, по пересказамъ уже послѣ, его офицеровъ, такой былъ трусъ и такъ боялся Запорожцевъ идучи до Сичи, шо рѣдко коли вѣв и пивъ, а во сибъ жахався, мовъ отъ перенолоху: бо вшиъ уже добре знавъ, шо за цаня За-

пораженны и виновъ къ нимъ вовсе противу своего желанія, принужденно и ожидалъ на всякій часъ смерти. Да и подлинно, если-бы Запорожцы по само-необходимѣйшемъ (какъ выше сказано) обстоятельствамъ добровольно Текелію не здалися, то никакое-бы войско ни подъ какимъ видомъ одолеть ихъ не могло. Потомъ когда уже Текелій пообѣдалъ и распростался съ Кошевымъ и Отаманами, то долго еще любопытствовалъ по всей Сечи и осматривалъ все курни Запорожскіе и все ихъ пожитки, а наконецъ возвратясь въ лагерь и стоялъ въ ономъ болѣе недѣль; въ теченіи этого времени офицеры Русскіе и солдаты приходили въ Сечь, а козаки и Отаманы посѣщали ихъ лагери, в другъ съ другомъ гуляли и обходились свободно и вольно. После того Текелій призванъ къ себѣ Кошевого, Судью и Инсара и прочитавши имъ именныи Высочайшій указъ, велѣлъ имъ всѣмъ троимъ готовиться къ Императрицѣ въ Санктпетербургъ, куда въ скорости и были отправлены, но не все, ибо Судья Касанъ, до отъѣзда еще, въ скорости заболѣвши, умеръ и погребенъ въ Сечи, а отвезены только два т. е. Кашинъ и Глоба. Текелій же принявши всю Запорожскую палестину въ свое правительство, привелъ всѣхъ Запорожцевъ къ присягѣ и устроивши все свои порядки, какіе следовало, тогда уже сталъ быть безопасенъ; однако находился все еще въ лагерьхъ. Между симъ временемъ войско

Запорожское вида, что Старшина ихъ отправлена въ столицу, а заведенные Московскіе обычаи и порядки не по ихъ вкусу, сильно поколебались и начали козаки думы думать, да гадать: якъ-бы Москала у шоры убрать, а самымъ де-сь дальше мандровать: и придумали вотъ що. Собрали прежде 50 человекъ козаковъ и послали къ Текелію съ хлѣбомъ и силой у гости, которые приведши къ нему говорили: кланяемся добродію хлѣбомъ и силой!— Благодарствую, благодарствую, Запорожники, за хлѣбъ и за соль; что вы мнѣ скажете? спрашивалъ ихъ Текелій. А отъ шо, добродію! мы чули, шо намъ уже безъ письменнаго вида в билетивъ невозможно никуда изъ Сичи отлучаться!.. такъ, такъ, Запорожники, не отлучайтесь нигуда безъ вѣдома моего.— Та для тогожъ-то, пане, вѣдома мы и пришли, щобъ намъ хоть одинъ билетъ на всехъ написали: бо мы будемъ куны держатися и никуда врозь не распивемось.— Хорошо, хорошо, продолжалъ Текелій, да какъ-же у васъ прежде-то было? приговаривалъ онъ. Та у васъ, пане, сихъ билетивъ пяколи небувало, ни батьки, ни дяды наши ихъ незнали, да и правды не чували, и кто куда хотивъ туда и шовъ и хавъ.— Да куда-же вы теперь хотите идти съ билетами, спросилъ опять Текелій, и за чемъ?— въ Тилигуль добродію на заработки, до «лямы», бо въ насъ, проклята мати ма, ни серочки, ни штаневъ, якъ бачишь, голая сирома: а щежъ треба буде, може коли

нибудь и подушине заплатиты. та и павамъ трохи у дѣлти? — Тогда Текелій громко разсмѣялся и захохоталъ, потомъ сказалъ имъ: ступайте, Запорожники, съ Богомъ, зарабатывайте себѣ, да и зъ казну—ту собирайте. — Чуюмъ, добродію, чуюмъ! Я поклонившись всѣмъ козаки ему разомъ, пошелъ въ полковую его канцелярію, а Текелій привзавши адъютанта, велѣлъ выдать имъ билетъ одинъ, на всѣхъ 50 человекъ. Когда-же сіи козаки получили уже отъ канцеляріи билеты, то собравшись со всею своею амунициею и харчовыми клунками, взявъ съ собою нѣсколько лодокъ, по числу гребцовъ, тоже нагруженныхъ экипажомъ и съвши въ оныя тайно, ночью, не только тѣ, кои имѣли билеты, но и безбилетныхъ столько забрали, сколько въ лодкахъ помѣститься могло, можетъ быть до 1000 человекъ, и зашумѣли въ низъ, до Тиллугула. Потомъ спустя нѣсколько дней пришли и еще 50 человекъ къ Текелію за билетомъ, и получивши билетъ, такимъ же порядкомъ сдѣлали какъ и первые, не забывъ взять съ собою и безбилетныхъ сколько помѣстить могли. Такимъ образомъ ввѣя козацтво, що въ билетахъ нмъ никому отказа нечипягъ, приняла и еще часть войска, въ третій разъ, и просилъ тоже билета какъ и прочіе, до Тиллугула, и получивши оный, невыступилъ изъ общаго хитраго своего умысла ни на черту, какъ выше сказано: уѣхала также и сія козацкая шайка, какъ слѣдуетъ, по надлежащому. Каковымъ спо-

собомъ и порядкомъ и вся уже сиромѣ со всѣхъ 40 курней, получая билеты подъ предлогомъ Тывгула, убралась почти вся подъ Турка, кромѣ слѣпыхъ, кривыхъ и престарѣлыхъ. По каковымъ случаямъ видя Текеліевы офицеры, что Сѣчь остается почти пустая, начали рапортовать ему, что въ Сѣчи нѣтъ никакого козаковъ, и рассказали ему всѣ ихъ хитрости и умыслы. Тогда Текелій хватился за голову, но поздно, и спрашивалъ офицеровъ: да гдѣ-жъ тѣ, да гдѣ-жъ тѣ и куда ушли, вѣдь они просили билетовъ въ Тывгуль, на заработки?—Потомъ сильно осердясь пошелъ въ палатку и былъ въ великой задумчивости и скорби чрезъ обманъ простой сиромы, такъ, что ни съ кѣмъ не говорилъ и никуда не выходилъ чрезъ цѣлый тотъ день. Какъ вдругъ являются и послѣдніе еще оставшіеся Сѣчовые козаки, очень уже малое ихъ количество, человекъ около 10 и кланяются съ хлѣбомъ, по обычаю, и говорятъ Текелію: повели и намъ, вельможный пане, выдать билетъ на заработки! — Да вамъ куда уже билеты, злые Запорожники? съ гнѣвомъ отвѣчалъ Текелій — въ Тывгуль, пане, до лямы, въ Тывгуль! — все въ Тывгуль, все въ Тывгуль, такіе вы и разтакіе, а городъ пустой оставили; не велю вамъ никому билетовъ выдавать! — И согналъ ихъ съ глазъ, однакожь и сіи послѣдніе, хотя и безъ билетовъ, также закивали пятами, въ слѣдъ за свосю сиромою, и подяковали Текелію за хлѣбъ

и за сплъ. Наконецъ Текелій приказалъ призвать къ себѣ всѣхъ куринныхъ Отамановъ: не вхъ пришло къ нему не болѣе десятка, коихъ онъ спросилъ со гнѣвомъ: чтожь вы пришли ко мнѣ въ вѣсть? — Якъ-же намъ пане вспмъ прійти, щима никого до куринныхъ! — Да гдѣжь они; что дѣль вѣсть? — Отаманы, пане, разѣхались по зимовникамъ, а епрома безъ вѣсти розбрелась, да и мы думаемъ по домамъ: чого мы тутъ будемъ, в кимъ будемъ командовать: Старшину у насъ отобрали, а козацкаго войска нема! — Да гдѣ-жь ваше войско, вскричалъ Текелій, вгдѣ ваши козаки? — Якъ пане, де, а же-жь вы имъ билеты подавали на заробѣтки, туда де рыба ип почому, — чи въ Тилигуль, чи що? Тогда Текелій сильно осердасъ накричалъ на Отамановъ в выгналъ ихъ изъ палатки, в наконецъ проживши еще около Сѣчв нѣскольکو времени, того-же лѣта уѣхалъ въ Столицу, а войско его стояло семь лѣтъ вь предѣлахъ Запорожскихъ, пока совершенно утвердился обычай Московскіе. Вотъ какимъ образомъ знатная козацкая Сѣчъ атакована и славное Запорожье воспріяло конецъ самоправію! Бѣжаніе-же Запорожцы изъ Сѣчи, подъ Турка, приняты Султаномъ подъ свою державу и велію поселить ихъ у устья Дуная, близъ Чернаго моря, на самой лучшей и выгоднѣйшей для нихъ землѣ вь разсужденіи рыбной и звѣриной ловли, а также и прочехъ выгодъ, и находилися тамъ до нынѣшняго времени, по 1830

годъ, слишкомъ 50 лѣтъ, даже до послѣдней Турецкой войны, и по нѣкоторому случаю во время той-же войны передались опять подъ Россійскую державу, подъ предводительствомъ Кошоваго Осипа Михайловича Гладкого и находятся нынѣ — одна часть изъ нихъ по квартирахъ, въ разныхъ селеніяхъ Днѣпровскаго уѣзда, а другая часть военныхъ козаковъ, въ походѣ, на Турецкой границѣ.

VIII.

О НАЧАЛѢ ГОРОДА ЕКАТЕРИНОСЛАВА.

=

Начиная отъ давнихъ временъ Запорожскихъ, Екатеринославъ имѣетъ уже четвертое названіе: 1-е было Половица *), 2-е Екатеринославъ, 3-е Новороссійскъ, а 4-е опять Екатеринославъ. Но прежде скажемъ о Половицѣ. Когда зашли предки мои въ сію украину, въ Новыя-Кодаки, какъ выше сказано, то на мѣстѣ семъ не болѣе было шести хатъ и жили хозяева зимовниками: первый прозваніемъ Крошко, а пмя упомнѣтъ; второй За-

*) О причинѣ названія Половицы слы въ внемѣтъ, много бы-
ваетъ разговоровъ между Екатеринославцами, любящими и пони-
мающими цѣну старины. Большая часть изъ нихъ позагаютъ,
что Половица названа такимъ образомъ отъ самаго перваго ея обы-
вателя, который вѣроятно прозывался Моловикъ. Такъ точно и
другія многія селенія по Екатеринославской губерніи отъ своихъ
коренныхъ жителей нма свое завлѣ. Напримѣръ: Гуналовка отъ
Гунала, Котовка отъ Кота и проч.

пороженъ Андрей Токаръ ; а третій, Дазаръ Глоба. Дрошко жилъ на томъ мѣстѣ гдѣ нынѣ гимназія. Токаръ жилъ гдѣ нынѣ домъ штабъ-лѣкаря Роде^{*)}, а Глоба жилъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Святѣйшаго домъ и казенный садъ, вверху надъ Дибиромъ, подъ скелею, гдѣ его и мельница^{**)} была, одна на каменьяхъ устроена, а другая башенная для фоліошей, въ коей валили сукна; съ нимъ т. е. Глобою и еще жилъ одинъ козакъ женатый, Игнатъ Сидоровичъ Каплуны; а тутъ же и мой собственный (Коржевъ) домъ былъ и мы жили все трое съ своими семействами въ одной хатѣ подъ одною крышею, въ коей было два отдѣленія т. е. двѣ избы. На томъ самомъ мѣстѣ и на тѣхъ печищахъ, гдѣ общій былъ нашъ домъ, нынѣ уже устроена караулка, для

*) Домъ лѣкаря Роде, находится прѣпяу вышней Екатеринославской Семинаріи, которой и принадлежитъ, на другой только сторонѣ дороги, лежащей между семинаріею и домомъ Роде.

**) Мельницы тутъ теперь ни какой нѣтъ и быть не можетъ, потому, что вода въ каждое лѣто оскудѣваетъ такъ, что не даю пролива взять въ сухое время на телегахъ и собирать для строеній подводный камень; чего прежде нельзя было дѣлать, по всегдашнему великому изобилію воды и по стремительному оной теченію. Но причинѣ сей и предпологалъ Святѣйшій Императоръ Александръ, сдѣлать тутъ подземный мостъ, чтобы чрезъ оный ходить съ праваго берега Дибира на такъ называемый островъ Моноастырскій, гдѣ располагалъ учредить Екатеринославскій Университетъ. Строенія университетскаго въ Екатеринославѣ не начинали: но профессора для оного дѣйствительно уже назначены были; и получали изъ казны жалованье. Въ томъ числѣ состояли: профессоръ Семейскаго Холліства, М. Мсвановъ, авторъ «Поставленія къ умозрительному и дѣлопроизводному земледѣлю», изд. въ Санктпетербургѣ, 1788 года въ 2-хъ частяхъ, in 8°. Сартій, титулованный директоромъ Екатеринославской музыкальной академіи и др.

сторожей и часовых солдатъ, кои теперь караулятъ казенный садъ, и живутъ въ караулъ у берега надъ самымъ Днѣпромъ. А что сказано о моемъ жительство, гдѣ нынѣ Михайловка, по рѣчкѣ Сурь, то действительно тогда за давнихъ времянь Запорожскихъ владѣль и я тѣмъ участкомъ, и имѣлъ тамъ зимовникъ и скотоводство, а тутъ тоже имѣлъ домъ съ Глобою. Сей Глоба былъ не женатъ и перешедши сюда на жительство пзъ Новыхъ-Годакъ, въ копхъ имѣлъ онъ челядь, до 15 человекъ портныхъ, занимался также и садоводствомъ, и мы съ нимъ въ двоемъ, по всей горѣ нашего участка разсаживали деревья^{*)}. И сей нынѣ называемый казенный садъ, гдѣ Потемкина домъ, первоначально нами разведенъ былъ; а какъ мой товарищъ, вышеупомянутый Глоба, былъ охотникъ до садоводства, то занявъ и еще небольшой участокъ для саду, недалеко отъ насъ, около озера, вверхъ по Днѣпру, гдѣ нынѣ фабрики; засадивши садомъ оный участокъ, потомъ занявъ и еще столько-же мѣста какъ и прежде и разведши по всей той площади удивительный садъ, въ томъ мѣстѣ сповиался отъ глубокой старости и погребенъ въ саду, живъ болѣе 100 лѣтъ на свѣтѣ. Нынѣ на

^{*)} Есть точно и нынѣ тутъ деревья. Они довольно толсты и высоки — осокорь, но большей части. Вода весною ихъ подмываетъ; оттого они падаютъ, и тѣмъ годъ отъ году убавляются, тѣмъ паче, что немалое число деревь, въ предъидущихъ годахъ, по распоряженію геродскаго начальства, срублено.

томъ самомъ мѣстѣ обзаведенъ тоже казегный садъ и зрится доселѣ еще надъ гробомъ его каменный столбъ *). вмѣсто памятника. О прочихъ-же трехъ козакахъ, кои жили здѣсь, по сосѣдству съ нами, зимовниками, а равно и о именахъ ихъ и прозваніяхъ, за давностію уже не помню. Но возвратимся опять къ Половицѣ: отъ чего она получила свое названіе?—Въ сихъ мѣстахъ, начиная отъ Старыхъ-Кодакъ, какъ я еще помню, и до Новыхъ, по всей горѣ, простирающейся по надъ Днѣпромъ, были чрезвычайно великіе лѣса и густыя чагарники, между коими чагарниками были и поляны сѣнокосные, кои въ разсужденіи малаго числа жителей и не бывалыхъ еще до того времени зимъ, никогда не скашивались и хлѣбопашествомъ не заставлялись, но каковыми причинамъ грунтъ земли на оныхъ полянахъ отъ древности сильно утвердившись, таковое множество производилъ полуницъ т. е. ягодъ полуничныхъ, что отъ изобилія оныхъ все окрестные жители въ удивленіе приходили, и ни кто ихъ собрать не могъ. И если бывало оныя поспѣютъ и захочетъ кто въ любопытства провхать повозкою чрезъ тѣ поля, то все колеса такъ сдѣлаются мокры, какъ отъ воды, а краскою покрыются, будто краснымъ сафьяномъ обшиты; отъ каковой чрезвычайной и неслыханной рѣдкости и удивленія людскаго

*) Столбъ каменный точно есть.

названо и мѣстечко оное отъ предковъ нашихъ, Запорожцевъ, Половицею, въ коей множество было полуницъ. Теперь слѣдуетъ сказать еще и о Новороссійскѣ. Половица и по атакованіи еще Съчи долго существовала, даже дотоль, пока Кременчугская губернія переведена была въ Половицу и переименована Новороссійскою губерніею, и какъ-бы имѣла нѣкоторое состояніе съ Новороссійскомъ и долго ему противилась, по той причинѣ, что городъ получившій названіе Новороссійска *), построенъ былъ прежде не на мѣстѣ Половицы, но по ту сторону Днѣпра, при самомъ устьѣ рѣчки Самары, гдѣ нынѣ Горѣнь и оставался на томъ мѣстѣ не болѣе 2-хъ лѣтъ. Ибо когда умножилась вода въ Днѣпрѣ и въ Самарѣ, во время сильнаго половодья (не помню въ какомъ году), по причинѣ низменнаго и не такъ выгоднаго для города тамъ мѣста, весь Новороссійскъ покрытъ былъ водою, а потому уже и принужденъ со всѣми правами и судами т. е. присутственными мѣстами, перенестися въ Кременчугъ, на старое свое мѣсто. И когда не Новороссійская,

*) Повѣствователъ здѣсь погрѣшаетъ. Новороссійска на устьѣ рѣчки Самары никогда не было, а былъ Екатеринославъ, губернский городъ Азовской губерніи. Сей Екатеринославъ вовсе упраздненъ, и поставленъ вмѣсто его, на самомъ Днѣпрѣ, другой Екатеринославъ, который и нынѣ тамъ существуетъ. Онъ то переименованъ былъ при Государѣ Императорѣ Павлѣ въ Новороссійскъ, но при Государѣ Императорѣ Александрѣ получилъ прежнее свое имя.

но Кременчугская стала быть опять губернія, то Половина все еще не теряла своего титула и славились старейшинством своимъ до позднихъ лѣтъ, т. е. по 1786 годъ ^{*)}, даже до самаго прибытія Императрицы въ здѣшнюю Украину и до устройства города Екатеринослава. И когда она увидѣла, что Половина между Кременчугомъ Новороссійскимъ в Екатеринославомъ, какъ-бы неутратитъ держать, то и сказала, кому Богъ прежде поможетъ, того и она сторону возьметъ. Теперь надобно намъ возвратиться къ обуреваемому волнами Новороссійску, ибо онъ освободясь отъ потопленія со всеми высшими правами укрылся въ Кременчугскомъ приставницѣ, а низше его суды, какъ-то: уѣздный, земскій и полиція, неубоясь воднаго естества оставались тутъ-же на Самарѣ, в во время полноводья и не далеко оттолѣ въ Новоселнцѣ, противу быстроты рѣчной, какъ-бы на быстрыхъ крыльяхъ перелетѣли, ибо Самара, послѣ Запорожья, по распоряженію губернскаго начальства Новоселницею переименованная, получила уже себѣ новое Россійское названіе, и по учрежденіи въ ней уѣзда Новомосковского, самый городъ, въ разсужденіи своей судебной завѣсности принадлежалъ тогда къ Кременчугской губерніи, а не къ Новорос-

^{*)} Прибытіе Государыни Императрицы Екатерины II, въ здѣшнюю Украину было въ 1787 году. Тогда и заложена въ Екатеринославѣ соборная Преображенская церковь.

сійской; а такъ Новороссійскъ славившійся своими преимуществами и торжествовавшій надъ Половицею, утратилъ на всегда свое достоинство, невозвратно. Наименованіе же его было Новороссійскъ, по мнѣнію моему, отъ слова Новая Россія, ибо вся сія украина, и вся палестина со всѣхъ трехъ губерній состоящая, несть издревле собственно наша земля, но чужая и чужихъ владѣльцевъ и въ послѣдствіи времени разными способами, случаями и разными Россійскими Царями приобрѣтеца, завоевана и присоединена вновь къ истой нашей Россіи, отчего и названа Новороссія или Новая Россія; а слѣдовательно и Новороссійскъ городъ, отъ сего названія воспріялъ свое начало. Наконецъ узнаемъ и о существующемъ нынѣ Екатеринославѣ (о коемъ и рѣчь наша): по каковому случаю и онъ получилъ свое наименованіе. Но послыку между сею эпохою шествовала Екатерина по всѣмъ Россійскимъ городамъ и областямъ, то и мы также начнемъ прежде, о семъ, повѣствованіе наше.

IX.

О ПУТЕШЕСТВІИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

=

Когда блаженной памяти Императрица Екатерина II, изволила выѣхать изъ столицы

въ 1785 году *) , для обозрѣнія всѣхъ вѣрнополданныхъ чадъ своихъ , то не подобало-ли быти встѣмъ имъ бдящимъ и чающимъ пршества господя своего , и не довѣляло быти въ готовности къ принятію таковаго рѣдкаго и великаго гостя ? Дѣйствительно должны были всѣ быти во всякой исправности , ибо мы (просто решивъ) сущи я сынове Господа , но обовязаны другъ другу каждому воздавати должная , по реченному , колыми-же паче царскому лицу , яко помазаннику Божію , подобаетъ всякая честь и слава. Потому уже не только во всѣхъ Россійскихъ губерніяхъ и городахъ , гдѣ были назначены стапци и перспочивки , устроены царскіе гостинные и великолѣпные дворцы и по всѣмъ трактовымъ мѣстамъ , расчищены были трактовые дороги и устроены версты надлежащимъ порядкомъ ; словомъ , все приведено было въ наилучшій видъ благопрстойности. Также и въ Малороссіи , начиная отъ предѣловъ ея , примыкающихъ къ Россіи , до самаго Кіева , вдоль по трактовымъ мѣстамъ , расчищены были большія дороги , а гдѣ лѣсныя мѣста — дѣлали просѣки и по всѣмъ таковымъ большимъ дорогамъ , съ обвухъ сторонъ ставили частыя кучки , а въ иныхъ губерніяхъ вмѣсто кучекъ , дѣлали земляныя треугольнички , по гетмански называемые

*) Ошибка относительно года путешествія Императрицы замѣчена выше.

«брылиги или брыли», въ коняхъ вучахъ и треу-
гольничкахъ насаживали разныя деревья, по об-
сторонѣ дороги, отъ чего видъ былъ чрезвы-
чайный, какъ на картинѣ. Изъ числа сихъ де-
реьевъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до двесь еще
многіе существуютъ и поросли очень велики,
толсты и высоки. Въ здѣшней-же украинѣ т. е.
въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ,
по грунту земли и достатку дикаго камня, были
поставлены, на трактовыхъ дорогахъ, высокіе ка-
менные мѣли, одна отъ другой въ 10 верстахъ;
нѣкоторые изъ нихъ и досель по Херсонской
дорогѣ видны и называются памятниками Потем-
кина *), послѣку онъ приказалъ ихъ въ тѣ вре-
мена устроить. Потомъ, когда уже Императрица
изволила выѣхать изъ Россіи, въ Малороссію,
то прямымъ путемъ достигла даже до самаго
Богоспасаемаго града Кіева, гдѣ посѣщала хра-
мы Господни и святыя мѣста, въ которыхъ
почиваютъ мощи угодниковъ Божіихъ, и потомъ
осмотрѣвши всѣ достопамятности, древняго
и славнаго города Кіева и всѣ мѣстополо-
женія онаго, заблагоразсудила въ ономъ
остаться, на все зимнее время. Новороссій-
ская-же наша украинна, бывъ предварена о
прибытіи Императрицы въ Кіевъ, также

*) Таковая мѣля находится и въ Екатеринославѣ, подлѣ Со-
борной Преображенской церкви. Она стояла на земляномъ курганѣ,
который потомъ въ 1834 году срытъ, и мѣля, вмѣсто того, обля-
дана камнемъ съ желѣзнымъ балюстрадомъ.

была во всей исправности, относительно встречи Государыни. По предписанію, указомъ Кременчугской губерніи, Ново-Кодацкому городничему Василю Ильичу Шостнику, выстроенъ былъ въ Новыхъ-Кодакахъ великолѣпный царскій дворецъ: но приставники онаго или смотрители, когда начали окуривать внутрь онаго комнаты, какими-то благовонными ароматами, то по неосторожности зажгли комнату, и весь царскій дворецъ обратили въ пепель. Когда было донесено Императрице о згорѣвшемъ дворцѣ, то она указомъ повелѣла, чтобы таковой-же дворецъ, выстроенный въ Малороссіи, надъ рѣчкую Орелью, въ мѣстечкѣ Царичанкѣ, разобрать, и перевезти въ Новые-Кодаки, и поставить опять на томъ-же мѣстѣ, что было и учинено вскорѣ по той причинѣ, что Императрица не располагала уже быть въ Царичанкѣ, а предположенъ былъ ей путь особый. Ибо она, по окончаніи зимы, въ слѣдующую весну, когда отправилась изъ Кіева, то изволила вѣствовать не сухопутьемъ, а водою, въ низъ по Днѣпру, на великолѣпномъ и разукрашенномъ фрегатѣ, со всею царскою свитою, и продолжала свой путь на таковыхъ водоходныхъ судахъ до самаго Кременчуга, а оттоль и до нашихъ предѣловъ. Но по причинѣ весеннихъ непостоянныхъ вѣтровъ и сильныхъ непогодъ, не могла достигнуть до Новыхъ-Кодакъ, водою, а выше Романкова, противу дачи помѣщика Сошина, велѣла выгрузиться на

сухопутъе и въ каретѣ уже изволила прибыть къ царскому Ново-Кодацкому дворцу. Съ нею прибылъ вмѣстѣ и Римскій Императоръ Юсифъ и свѣтлѣйшій Потемкинъ. Римскому Императору отведена была квартира, въ домѣ священника Кодрата, — этотъ домъ еще и по сіе время существуетъ; а Потемкинъ былъ въ царскомъ дворцѣ, въ особыхъ палатахъ. И такъ Императрица изволила пребыть въ томъ царскомъ дворцѣ болѣе недѣли, дожидаясь своихъ подоходныхъ судовъ и всей царской свиты; между симъ временемъ посѣщала она Половицу и всѣ мѣстоположенія и окрестности оной обзрѣвала. Здѣсь-же въ Новыхъ-Кодакахъ, у берега рѣки, до прибытія Императрицы, выстроена была по повелѣнію ея, высокая башня, для приставки судовъ, родъ колокольни, безъ верха, съ малымъ куполомъ, наподобіе маковки, и сделанъ былъ изъ башни, на рѣку Днѣпръ, деревянный небольшой мостъ, сажня на три длиною, въ воду; вся-же башня расписана была разными цвѣтами. Потомъ когда уже пришли царскіе суда до Новыхъ-Кодакъ и стали на якоряхъ, по всему Днѣпру, противу выстроенной башни, то видъ казался взору чрезвычайно удивительнымъ, поелюку весь Днѣпръ украшенъ былъ разныхъ цвѣтовъ, на судахъ, распушенными знаменами. Когда донесено было Императрицѣ, что суда прибыли къ Кодацкой пристани.

то въ туже минуту, велѣла она Потемкину спросить здѣшнихъ Стародо-Кодацкихъ и Каманво-лоцманскихъ лопмановъ: могутъ-ли ея суда пройти чрезъ пороги? и когда было сіе учинено и лопманы Старо-Кодацкіе осмотрѣли, въ присутствіи Потемкина, царскія суда, то отвѣчали Потемкину, что ни одно судно, чрезъ пороги пройти неможетъ, по той причинѣ, что суда были всѣ съ деменами, т. е. съ рулями, кои очень глубоко идутъ въ водѣ; а просила Потемкина, чтобы позволено было всѣ рули выбросить, а приѣлать стерна, т. е. опачины, или длинныя веслы. О каквыхъ всѣхъ обстоятельствахъ Потемкинъ, объяснивши Императрицѣ, велѣлъ демена отбросить, а стерна вдѣлать; что было и учинено. Тогда Императрица вздумала и сама, первое, осмотрѣть башню, которой она еще не видала; а второе, поглядѣть и на стерна, для чего приказала свѣтлѣйшему, чтобы одно судно, въ коемъ она изволила путешествовать, придвинуто было къ башнѣ, до самаго мосту, и затѣмъ приѣхавши съ Римскимъ Императоромъ къ пристани и вышедши изъ кареты, осматривала башню, и прошедши воротами сквозь оную, дойдя по мосту до судна, осмотрѣвъ стерно, удивлялась много. Ибо она еще никогда такихъ орудій, на простыхъ судахъ не видѣла и сказавъ: можетъ-ли судно такую чудною лопатою исправно дѣйствовать, и пройти чрезъ пороги? тотчасъ

приказала двинуть судно въ походъ и дѣйствовать онымъ сюда и туда, для пробы, и пристать къ мѣсту, гдѣ оно и прежде было. Когда увидѣла, что здѣшніе Камянно-лоцманскіе и Старо-Кодацкіе лоцманы, сидѣвшіе тогда на ономъ суднѣ, управляютъ лопатою, самымъ чуднымъ, проворнымъ и удивительнымъ образомъ, то улыбнулась и была очень довольна распоряженіемъ Потемкина, и велѣла ему спросить, кто между ними т. е. между лоцманами по старше и кто называется у нихъ отаманомъ и замѣнить имя и прозваніе. Что было и учинено. Первый изъ нихъ былъ отаманъ Моисей Ивановичъ Волторацкій; житель лоцманской Камянки, а второй, товарищъ и помощникъ его прозваніемъ, Непокрытенко, изъ Старыхъ-Кодакъ жительствомъ. Потомъ Государыня возвратясь обратно въ дворецъ приказала свѣтлѣйшему, чтобы лоцманы рушили въ походъ со всѣмъ царскимъ ея флотомъ, до пороговъ, когда залагаема и освящаема будетъ на горѣ соборная церковь. На другой день, послѣ того, изъ Новыхъ-Кодакъ Императрица изволила шествовать со всею царскою свитою, въ разныхъ богатыхъ и великолѣпно убранныхъ экипажахъ, до назначеннаго мѣста, на космѣ пмѣла быть заложена церковь, гдѣ нынѣ она и сооружена *).

*) Церковь сія дѣйствительно хотя и сооружена въ 1834 году, но повелѣнію Государя Императора Николая, написавшаго

Около того мѣста устроена была палатка *), для походной полковой церкви, въ коей тогда отправлялось служеніе и преосвященный Амвросій, совершалъ литургію, гдѣ и я, грѣшный старецъ Коржъ, удостоился быть. Приведъ на начало, я слушалъ св. литургію, стоя въ самой срединѣ, около пѣвчихъ. Прибывши-же Императрица къ полковой церкви съ Римскимъ Императоромъ и вышедши изъ кареты, взволила итти въ церковь по сходцамъ, и свѣтлѣйшій поддерживалъ ее подъ руку: пбо оная церковная палатка была на аршинъ, или глубже, вкопана въ землю, а потому и ступеньки въ нее подѣланныя были устланы, какъ онѣ таковы и полъ всей церкви, разноцвѣтными коврами. Въ церкви во время служенія не было никого больше, кромѣ пѣвчихъ, да прибывшихъ съ Государынею фрейлинъ 12 душъ. Римскій Императоръ только заглянулъ въ церковь и пошелъ тотчасъ со свѣтлѣйшимъ и прочими генералами къ тому мѣсту, гдѣ расчищали землю, подъ заложеніе собора. А вся свита царская съ прочими зрителями, конхъ было многое множество, или лучше

собственноручно: «быть тутъ церкви, гдѣ оная заложена Императрицею Евдотриною.» Однакожь сооружена гораздо въ меньшемъ, противу заложеной, размѣрѣ. А все то ирострапство, которое назначалось для первой церкви обнесено оградой, гдѣ небольшой монументъ поставленъ Императрицею Евдотриной, изъ мраморнаго камня, вывезеннаго изъ древняго Херсонеса, что въ Крыму.

*) Мѣсто палатки для походной полковой церкви и теперь еще прѣлѣтно.

сказать несмѣтное число разнаго народа, званія и пола, всё вокругъ стояли; да и не только съ здѣшнихъ мѣстъ и околнчныхъ городовъ и селеній, но в самые дальнїе, за нѣсколькo сотъ верстъ живущіе люди, сюда прїѣзжали, ради сугубой причины: какъ для церемонїи церковной, при заложенїи церкви, такъ и ради прибытія Императрицы, дабы удостоиться увидѣть Ея царское лицо. Да и кто не почувдится такому важному зрѣлищу, можетъ быть и во 100 лѣтъ, или въ вѣсколькo вѣковъ, въ зашней украинѣ, въ первый разъ еще случившемся? Азь же убогій старецъ Коржъ, стою въ церкви и ожидаю окончанія св. литургїи. Когда-же окончена была литургїя, то преосвященный Амвросїй подвесь крестъ Императрицъ, къ коему Она приложившись, поклонилась на обѣ стороны и пошла къ вышереченному устрoеваемому мѣсту, на заложенїе церкви, въ провожанїи свѣтлѣйшаго, который тогда опять пришелъ въ церковь полковую, подъ конецъ уже литургїи. Мѣсто-же устрoеваемо было подъ церковь, по размѣру только и смѣтъ: гдѣ долженъ быть фундаментъ, одни дорожки почистили, да землю поравняли, ибо на скорый и внезапный случай не успѣли вырыть фундамента, а рыли уже рвы послѣ проѣзда царницы. Тутъ также по среднѣ мѣста сего, гдѣ долженъ быть престолъ цер-

ковный, выкопана была большая яма, на подобие пещеры или склепу, глубиною почти въ сажень, а шириною болѣе двухъ, вся устланная камнемъ, съ таковыми-же сходцами, кои покрыты были коврами, какъ и весь полъ склепа. Въ семь склепѣ устроена была еще и маленькая пещерка или печурка, «ковтежець» (родомъ шкачки или щуфлядки), подъ самый бокъ склепа, глубоко удѣлана и устлана тоже дикимъ камнемъ, для сохраненія царской грамматы, на золотой доскѣ написанной. Потомъ начаты были перемоналы, случаю сему приличный, такимъ образомъ весь соборъ архіерейскій со всемъ духовенствомъ, и со всею процессіею зашедши сначала отъ полудня, потомъ обратясь къ востоку сдѣлали крестный ходъ прямою среднею линіею, по расчищенному мѣсту, до самаго центра, гдѣ долженъ быть престоль, а пресвя-

*) Повѣствователь въ зѣбѣ, подобно выше сказанному, описывается. Ковтежець съ серебряною и золотою монетою, — начиная отъ пятачка до имперіала, поставленъ былъ не на мѣстѣ долженствованіаго быть церковнаго престола; но въ основаніи самой передней стѣны противу алтаря. Изъ сего основанія копченъ оный, при новой закладѣ той-же церкви, въ меньшемъ размѣрѣ, извлеченъ, чтобы положить его подъ основаніе волею. Такъ точно и дѣлаво, тѣмъ самымъ порядкомъ, какой примѣненъ при свосручивата царская первая Государынею Императрицею. Не граммата царская найдена тутъ, но мѣловая доска, густо позолоченная, съ приличною времени и обстоятельствомъ, написана. Ся самая доска положена опять въ основаніи церковное съ копченіемъ и другою надписью, времена также приличною. За истинну свидѣтельства сего ручается свидѣтель, потому, что самъ оны былъ, по благодати Господней в дѣйствующимъ лицемъ, при второй закладѣ, при строеніи церкви и при самомъ освященіи оной. А все то пространство, которое назначалось для первой церкви, обнесено оградю.

ценнѣйшей Амвросій илучи съ крестомъ, кропилъ святою водою на обѣ стороны, и пришедши церемоніально къ уготованному мѣсту большой пещеры, какъ выше сказалъ, остановился все какъ преосвященнѣйшій, такъ и Императрица съ Римскимъ Императоромъ и свѣтлѣйшимъ, и начали чинно сходить по ступенькамъ въ оную пещеру, гдѣ ставши, по обычаю слушали церковное славословіе, совершавшееся по чинположенію, по окончаніи коего преосвященнѣйшій прочитавъ молитву, освятилъ граммату и мѣсто, и окропилъ все сіе, святою водою, крестообразно. Потомъ Императрица перекрестившись, къ востоку, и поклонившись на обѣ стороны, изволила сама взять граммату своими руками и положивши оную во уготованномъ мѣстѣ пещерки, какъ выше сказалъ, опять перекрестилась и поклонилась на обѣ стороны. За симъ велѣлъ изволила жертвовать также и деньгами, серебряною и золотою монетою, а сколько оныхъ числомъ, мнѣ неизвѣстно, но знаю, что и онѣ тудаже были положены, гдѣ и граммата. Между симъ временемъ и дѣйствіемъ, архіерейскіе пѣвчіе пѣли Императрицѣ многолѣтствіе и всей царской фамиліи. Потомъ, въ продолженіи духовной царской музыки и пушечной пальбы, каменщики живо принялись за свою работу, и замурававши все то мѣсто, гдѣ долженъ быть престоль, поставили въ верху sklepa, багемный крестъ. Императрица стояла прв нихъ

дотоль . пока все дѣло было кончено и приведено въ порядокъ , какъ слѣдуетъ . Такимъ образомъ церемоніаль былъ конченъ , мѣсто освящено и соорбная церковь заложена на имя Императрицы Екатерины о 12 престолахъ . Въ то же самое время . въ тотъ день и часъ и городъ сей , отъ усть самыхъ Императрицы , получилъ свое наименованіе : въ честь и славу Великой Екатерины II , названъ Екатеринославомъ и повелѣно было : именнымъ Высочайшимъ указомъ въ томъ-же году , Кременчугскую губернію *) перевести въ бывшую Половицу и назвать губернію Екатеринославскою ; что и учинено въ скорѣ . Въ каковомъ событіи , при таковыхъ важныхъ и рѣдкихъ встрѣтившихся тогда обстоятельствахъ , благословенная наша страна и доселѣ еще благоденствуетъ и покоится подъ покровительствомъ милосердаго отца , всеавгустѣйшаго

*) Кременчугской губерніи не было , но была Новороссійская , коея главное управленіе находилось въ Кременчугѣ : отъ чего сей городъ и считался губернскимъ , но актахъ не бывши таковымъ . По управленіи Новороссійской губерніи , въ одно время съ : ірзавненіемъ Азовской , когда двѣ сіи губерніи слились въ табу называемую Екатеринославную , съ учрежденіемъ губернскаго города Екатеринослава , на Дибирѣ , въ то время Кременчугъ , управленіемъ отъ сказанныхъ начальствъ , губернскихъ помѣщелій , пересталъ и называться губернскимъ . Городъ Екатеринославъ хотя учрежденъ уже былъ повелѣніемъ Государыни Императрицы , не скорѣ однако могъ быть построенъ : посему , между тѣмъ . какъ с ромлся , губернское начальство выведенное изъ Кременчуга перешло въ мѣстечкѣ Новые-Кодаки , которое по этому и было въ цвѣтущемъ состояніи , въ тѣхъ не мало и церквей . Имя Кодаки въ самообидѣйшемъ состояніи , тѣхъ худшемъ , что , въ сего трам , росней прежде во кругъ его , обсыпался пылъ весь пескомъ .

ИМПЕРАТОРА нашего Николая Павловича, четвертаго уже послѣ ИМПЕРАТРИЦЫ Самодержица. — Жители бывшіе досель въ Половицѣ, всѣ разошлись по другимъ селеніямъ на жительство, по предоставленной имъ указомъ волѣ, куда кто пожелаетъ; изъ нихъ одна большая часть переселилась въ Сухачевку, а другая меньшая часть, перешла въ Мандриковку, въ коей тогда только одинъ козакъ свѣдѣль зимовникомъ и занимался большею частию рыбною ловлею въ Дибірѣ. По прозванію Мандрйки, около него поселившіеся Половицкіе жители, назвали селеніе свое Мандриковкою. Теперь возвратимся опять къ прежней материн. — На той самой горѣ, гдѣ заложенъ соборъ, и гдѣ была полковая церковь, какъ выше сказали, начпная отъ того самаго мѣста, до нынѣшняго арміерейскаго дома и даже за богадельню, по всему пространству онаго взгорья, устроены были до прибытія еще туда ИМПЕРАТРИЦЫ, прекрасные походные дома, изъ палатокъ, богато убранные и раскрашенные живописью и разными мсбелами, однимъ богатымъ Кременчугскимъ купцомъ Фальевымъ, по совѣту свѣтлѣйшаго князя Потемкина, съ тѣмъ намѣреніемъ, что ИМПЕРАТРИЦА, по заложеніи церкви и по окончаніи церемоніала, будетъ непременно кушать въ тѣхъ домахъ и опочивать, однакожъ ИМПЕРАТРИЦА поглядѣла только на нихъ издали. О семъ ниже повснено будетъ, а упомянемъ прежде вѣсколько о Фа-

гевъ. Сей знаменитый купецъ по безчисленному своему богатству и миллионному капиталу былъ поставщикомъ или подрядчикомъ всѣхъ казенныхъ занасовъ и провіанта на всю Россійскую армию; а также содержалъ не только разные заводы литейные, селитренныя, пороховыя и проч., но и всѣ фабрики, разныя мануфактуры безъ изъятія, во всей Россіи, были подъ его протекціею. А сверхъ того онъ занимался виннымъ откупомъ почти во всѣхъ губерніяхъ Россіи, Малороссіи и Новороссіи; словомъ богатѣйшаго человѣка въ тѣ времена почти ни гдѣ не было изъ числа Россійскаго купечества.—Потомъ, когда уже флотъ Императрицы, по данному прежнему повелѣнію, изъ Новыхъ-Кодакъ двинулся и началъ приближаться Днѣпромъ противу самаго того мѣста, гдѣ было заложеніе соборной церкви, то Императрица увидѣвши оный пустившійся низомъ по Днѣпру, оставивши всѣ прочія дальности и предпріятія, во окончаніи бывшаго церемоніала нспѣшала и сама къ порогамъ, дабы увидѣть, какъ будутъ спускать царскій ея флотъ чрезъ пороги, и потомъ сѣвши въ карету изволяла уѣхать въ Пенасытець, гдѣ изволяла кушать и опочивать, докогда флотъ подоспѣлъ къ порогамъ. Когда-же начали спускать первое ея царское судно чрезъ пороги, на коемъ суднѣ сидѣлъ тогда кормчій нашъ, вышеупомянутый Полторацкій, и когда бросилось оно обычно съ пороговъ въ бездну водную, съ страшнымъ шу-

монъ, то Императрицѣ показалось, съ горы, что оно въ пенящихся волнахъ и глубокой пучинѣ на вѣки погрязло и погибло невозвратно; тогда Она очень скорбѣла и печалилась не за судномъ, а за людьми страждущими и жизнь свою потерявшими; но когда Ей свѣтлѣйшимъ было донесено, что судно цѣло и чрезъ пороги прошло безъ вреда, да и всѣ суда царскіе перешли чрезъ пороги благополучно и люди всѣ живы, и стоятъ у пристани, ожидая царскаго Ея победнѣя. Тогда Императрица чрезвычайно обрадовалась о такомъ извѣстїи, и тотчасъ приказала свѣтлѣйшему представить къ ней того самаго лоцмана, который первымъ ея судномъ управляетъ, и когда лоцманъ явился, то она сама спросила его: ты-ли Полторацкїй, отаманъ надъ лоцманами?—Тогда Полторацкїй палъ на колѣни и отвѣчалъ Ей: я тотъ самый. о коемъ Вы изволили спрашивать. Потомъ сказала Императрица: жалею тебя Полторацкїй, за твою вѣрную услугу поручикомъ. Есть-ли у тебя дѣти? продолжала Императрица.—Есть Ваше Императорское Величество! одинъ сынъ 13 лѣтъ, сказалъ Полторацкїй. Потомъ Императрица и сына его изволила пожаловать прапорщикомъ и обѣщала прислать имъ грамоты на чины и на дворянство всему ихъ потомству. Когда наконецъ весь флотъ царскїй пошелъ водою, внизъ по Днѣпру, до Херсона, тогда Императрица изволила уже дагѣе путешествовать сухопутьемъ, куда

Ей заблагоразсудилось. Дворецъ же царскій остав-
шійся въ Новыхъ-Кодакахъ, наполненъ былъ
по повелѣнію свѣтлѣйшаго, чужошными фабри-
кантами, переведенными изъ Бѣлорусіи и изъ
мѣстечка Дубровнаго; тутъ фабриканты жили
дотолѣ, пока въ Екатеринославѣ, устроены были
новыя фабрики, и перешедши въ оныя, разо-
брали и дворецъ царскій, на постройку тѣхъ-же
фабрикъ. Въ Екатеринославѣ первымъ губернато-
ромъ былъ Сивельниковъ, а по немъ Селецкій;
жили они повременно въ томъ самомъ мѣстѣ,
гдѣ нынѣ домъ архіерейскій, ибо домъ этотъ былъ
казенный и существовалъ еще до прибытія Импе-
ратрицы. Свѣтлѣйшаго-же князя Потемкина
дома выстроены были по проѣздѣ Императрицы;
прежде вырыты были рыи *) на фундаментъ.
выше нововыстроеннейшей нынѣ церкви, возлѣ
нынѣшнихъ солдатскихъ лазаретовъ, въ тѣ поры,
когда свѣтлѣйшій былъ еще въ Екатеринославѣ
съ Императрицею, а по проѣздѣ ея пред-
писалъ, чтобы строить дома его, на томъ са-
момъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ они стоятъ. Тутъ былъ
посѣвнъ тогда мой ячмень, и еще не собранъ
былъ, какъ начали каменщики размѣрять на
фундаментъ, и мы съ Глобою оставивши свое
жилище и садъ нашъ заведенный удалялись от-
туда, по своимъ мѣстамъ. Потемкинъ въ своихъ
домахъ почти никогда не былъ, до кончины

*) Рыи сіи дѣйствительно и теперь тутъ видны.

своей. Кирпичъ-же, на строеніе тѣхъ свѣтлѣйшаго домовъ, привозили изъ Кіева лодками по Днѣпру, а присланные Императрицею изъ Петербурга, на другой-же годъ, золотыя паникадила, дорогія лампы и занавѣси, для ново-строющейся соборной церкви, ввезли уже потомъ въ домахъ свѣтлѣйшаго.

Х.

О РАДУТАХЪ И ФИГУРАХЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ.

=

Хотя намъ уже и извѣстны Запорожскія гра-ницы, бывшія тогда съ обѣихъ сторонъ Днѣпра, гдѣ начинались и гдѣ кончались, какъ выше сказано, но неизвѣстны радуты и фигуры, кои устроены были по ту сторону Днѣпра, отъ сѣверо-восточной гетманской стороны, начиная отъ устья Орѣли, по самую Конку рѣку. Сквозь по надъ самымъ Днѣпромъ, около воды, построены были родъ уѣздныхъ дворовъ и назывались радутами, которыя радуты одна отъ другой были въ 10, 20 и 30 верстахъ, судя по мѣстоположеніямъ открытыхъ и закрытыхъ мѣсть, дабы одна другую могла видѣть. Всякаго радута строеніе было пространное, подобно казармѣ или Сѣчевымъ курнямъ, безъ чулаповъ и пергородокъ, съ сѣнными и одною чрезъ сѣни коморкою для поклажи, покрыты были обычнымъ

тесомъ , а иногда и камышомъ , обведенъ былъ радуть пространнымъ дворомъ и деревяннымъ заборомъ , въ срединѣ съ конюшнями для приѣзжихъ лошадей ; по сему и всѣ радуты были устроены такимъ-же фасономъ . Въ сихъ радутахъ жили козакъ гетманскіе , у коихъ шапки были четверугольныя съ длинными рожекми , а иногда и Запорожскіе , всегда безотлучно находились въ радуть по 50 человекъ , перемѣняясь ежегодно . Сии козакъ назначались для бекетовъ и разъѣздовъ на счетъ впріятеля . Около каждаго изъ вышепоказанныхъ радутовъ двора , построены были фигуры , чуднымъ и удивительнымъ манеромъ , разстояніемъ отъ радута въ полъ или въ четверть версты , но не ближе , для осторожности отъ огня . Каждую фигуру строили они изъ 20 бочекъ смоляныхъ , такимъ образомъ : прежде съ самаго начала начинали основаніе фигуры или фундаментъ на 6 бочкахъ , коихъ переверотивши всѣ , на сторчъ , ставили ихъ на землю упитавшую смолою , плотно кругло , одну возлѣ другой , редомъ кучей гетманской , кося обгерамизали деревья на шляхахъ , или на подобіе самаго большого винокурнаго чала , такъ , чтобы въ срединѣ оного бочкового циркуля , было пустопорожжее мѣсто . Связывали сей циркуль или шаръ бочекъ стоящій на землѣ , самымъ искуснѣйшимъ и прочнымъ образомъ толстыми смоляными канатами ; но не забудемъ припомнать и того , что всѣ 20

бочекъ, изъ коихъ начинаютъ строить фигуру, были бездонныя каждая въ горѣ имѣла только по одному дну, на исподѣ, съ нижняго края; потомъ на тотъ-же самый нижній бочковый циркуль, ставили другой шаръ или сводъ изъ 5 уже бочекъ, такимъ-же образомъ и способомъ, какъ и первый, а за симъ сводомъ выше третій шаръ ставили изъ 4 бочекъ, за третьимъ еще выше укрѣпляли четвертый шаръ изъ 3 бочекъ, а также и на четвертомъ сводѣ ставили еще 2 бочки все въ гору, дважды, пока мѣсто оставалось на одну только бочку въ верху, то сія послѣдняя бочка была чуднѣе и бѣднѣе всѣхъ двадцатеричнаго числа бочекъ, по той причинѣ, что всѣ бочки имѣли по крайней мѣрѣ по одному дну, для собственнаго названія бочекъ, а сія послѣдняя неимѣла ни одного, а только обтлнута была обручамъ; а потому и имени бочки, по недостаткамъ своимъ, не заслуживала, обаче низкостію своею превышала всѣхъ прочихъ, и поставляли оную на самомъ верху двухъ бочекъ, вмѣсто купола, какъ маковку, а чрезъ сіе самое и прочія уже бочки получали свое желаемое достоинство и совершенный видъ фигуры. Но для чего она выстроена?—Любопытство потерпите, а мы еще прибавимъ на счетъ ея. Въ сей фигурѣ, на самомъ верху, въ бездонной бочкѣ вѣлана была перекладья, думать надобно желѣзная, какъ разъ посреднѣ бочки, въ верху съ блокомъ, и

навѣшенъ былъ на оную перекладину шнуръ, такъ длинный, что оба концы его лежали на землѣ. Одинъ конецъ висѣлъ на дворъ спущенъ по фигурѣ свободнымъ, а другой конецъ шнура опущенъ былъ въ средину фигуры, по коему концу, сажня на полтора, привязанъ былъ в дротъ желѣзный съ великимъ пучкомъ мочулы, вареной въ селитрѣ; сей селитренный пучокъ висѣлъ въ фигурѣ дотолѣ, пока надобность укажетъ. Но еще не все; надобно потерпѣть. Въ каждомъ радутѣ, надъ гетманскими козаками устроенъ былъ начальникъ, по ихнему есаулъ, который командовалъ надъ ними и дѣлалъ распоряженіе, такъ, чтобы у фигуры безсменно были часовые, два или три человѣка, а въ прочихъ козаковъ дѣлалъ, бекеты и отряды для разъѣздовъ. Козаки обмундированы были самою лучшею гетманскою амунициею, при всемъ военномъ оружіи, какъ-то: мушкетъ, ратлище, сабля и четыре пистоля. Отряды составлялись изъ 5, 10 и болѣе козаковъ, кои разъѣзжали на верховыхъ уборныхъ лошадяхъ отъ радута до радута, по своихъ станціяхъ, а также и на степяхъ, гдѣ жатвы и покосъ бываетъ; а иные проѣзжали до самой границы и высматривали непріятеля, съ которой стороны появится. Ибо въ тогданнія времена Ногайцы и Крымскіе Татары сильно беспокоили Запорожцевъ и Гетманцевъ, (по той-то причинѣ и гетманъ дѣлалъ вспоможеніе Запорожцамъ своими козаками), такъ,

что собравшись въ одно мѣсто великими толпами, дѣлали набѣги, захватывали скотъ и овцы, грабили и убивали людей, разоряли слободы и земовники, и стводили многихъ въ плѣнь. А потому-то наши отряды и бекеты, если увидятъ бывало гдѣ нибудь, приближающуюся орду къ предѣламъ Запорожскимъ и Гетманскимъ, то тотчасъ, въ туже минуту, верховые козаки бѣжать во всю прыть къ ближайшимъ радутамъ и даютъ знать, что непріятель близко и тогда уже есаулъ скачекъ съ козаками къ фигурѣ и зажигаетъ оную посредствомъ вышепривсаннаго фитиля живо, и когда разгорится, то и прочимъ радутамъ даютъ чрезъ сіе знать. И такъ въ одно время и въ одинъ почти день всѣ фигуры по радутамъ разгораются и даютъ всѣмъ жителямъ осторожность, кои въ степяхъ и въ лѣсахъ и на плавняхъ занимаются разными своими работами, дабы уходили со скотомъ своимъ въ слободы и спасали-бы жизнь свою. Потому уже и всѣ полки Запорожскіе, стояшіе по Паланкамъ, для запасу собираются вмѣстѣ; дѣлаютъ сраженіе и побѣждаютъ непріятеля и выгоняютъ его изъ своихъ предѣловъ. Вотъ для чего устроены радуты и фигуры. Изъ числа ихъ одинъ радуть и фигура устроены были за Днѣпремъ, противу самыхъ Новыхъ-Кодакъ, и если кому заблагоугодно будетъ изъ читателей сего моего описанія, то я (говоритъ Коржъ) пока

еще живъ, приведу на самое то мѣсто, и покажу гдѣ была оная фигура и смоляныя знаки.

Еще слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчания на счетъ хищныхъ поступковъ непріятелей, въ малыхъ ихъ шайбахъ бываемыхъ, а тутъ-же вмѣстѣ противу того и осторожности Запорожскихъ бекетныхъ козаковъ.

1-е). Дикіе Ногайцы подобны были тогда хищнымъ дикимъ птицамъ, высоко въ гору возносящимся, конь для того въ гору единственно подымаются, дабы скорѣй увидѣть свою добычу и насытить жадную утробу. Такъ и они, дабы наполнить свои кровожаждущія руки грабежемъ и убійствомъ, всегда въ обычаѣ ихъ было, въѣзжаютъ прежде верховыми лошадьми на высокія могилы, или курганы, по 6 и по 10 человекъ вмѣстѣ, кучами, и въѣзжавши на оныя разсматриваютъ, гдѣ пасутся стада, и гдѣ находятся люди въ работѣ; тогда уже нападаютъ на людей, берутъ въ плѣнъ и грабятъ скотъ. И сіи набѣги весьма часты бывали отъ малыхъ воровскихъ ихъ шайкъ, въ коняхъ не болѣе ихъ бывало, кзкъ отъ 10 до 20 человекъ, на отборныхъ и испытанныхъ лошадяхъ, и притомъ вкрадывались малыми шайбами для того, чтобы и уйтить можно было удобнѣе въ неудачномъ случаѣ.

2-е). Равнымъ образомъ и Запорожскіе бекетные козаки, въ осторожность свою употребляли тѣ-же могилы и курганы, въѣзжая на

онныя, могли усматривать въ далекѣ непріятельскія Ногайскія шайки. Но по всемъ радутамъ отданы были приказы, чтобы изъ числа разъѣздныхъ бекетныхъ козаковъ, всегда одинъ только въѣзжалъ на могилу, а не 2, 5 и 10, какъ Ногайцы, которые въѣзжали на могилу кучею, дабы народъ Запорожскій бываемый въ степяхъ, могъ имѣть различіе между непріателемъ и своими козаками, о чемъ было и объявлено всему народу, по всемъ паланкамъ, зимовникамъ и слободамъ, и чрезъ то самое и выигрышъ получали часто; потому, что увидя непріателя, имѣли осторожность: собирались въ кучи по знакамъ, дѣлали таборы изъ возовъ и соединенными силами поражали непріателя изъ ружьевъ, а часто и въ плѣнъ ихъ захватывали. Ибо всякій поселянинъ, ѣдучи въ степь, всегда имѣлъ для запасу, въ возѣ, мушкетъ, а Ногайцы стрѣляли только изъ луковъ, ружей-же у нихъ не было; и когда выкидаютъ стрѣлы, то тогда остаются пасы.

Однако о Ногайцахъ, и бывшихъ съ ними происшествіяхъ, я не токмо слышатель, но почти очевидный свидѣтель.

XI.

О СТАРОДРЕВНИХЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ СЕЛЕНІЯХЪ, БЫВШИХЪ ЕЩЕ ДО АТАКОВАНІЯ СЪЧИ.

=

Начнемъ прежде отъ Старыхъ-Кодакъ, вверхъ по Днѣпру.

1-е селеніе Старый-Кодакъ, имѣло свое титуло до прибытія еще въ сию Украину древнихъ Запорожцевъ, кои назывались « Козарамъ »^{*)}. Сей Кодакъ былъ городомъ и находился подъ Польскою державою, въ немъ была устроена знатная побережная крѣпость, обведенная глубокимъ ровомъ и высокимъ землянымъ валомъ съ подземными воротами. На сихъ мѣстахъ и досель еще зрятся знаки развалинъ и бывшихъ канавъ. Въ сей крѣпости жилъ нѣкогда Польскій князекъ, въ родѣ коменданта и командовалъ симъ участкомъ земли, населенной Поляками, начиная отъ нѣнѣшней Польской границы, по Днѣпру, до границы Турецкой, къ великому лиману примыкающей, гдѣ нынѣ Херсонъ и Николаевъ. Все это пространство земли было Польское: завидный кусокъ и выгодный кутокъ.

^{*)} Старый-Кодакъ равно какъ и Новая стоятъ на одномъ и томъ-же берегу Днѣпра въ разстояніи одинъ отъ другаго верстъ около десяти. Между ними расположено нѣнѣшній Екатеринославъ. Въ Старомъ-Кодакѣ слѣды описываемой земляной крѣпости и теперь еще видны. Тутъ указываютъ одинъ не малой величины камень, на которомъ бесѣловалъ, явобы, Петръ Великій.

Вышедшіе-же Козары, по пересказамъ, изъ за Кіева, подъ предводительствомъ тогда главнаго ихъ полководца Кошеваго Германа, съ великою силою народа, съвши по ту сторону Днѣпра отъ сѣверо-восточной стороны, сдѣлались князьку Польскому очень близкими сосѣдями. Здѣсь-то Германъ Кошевый видя для себя и для команды своей, на счетъ постояннаго жительства, тѣсное мѣсто, и притомъ имѣя въ виду и другія намѣренія и будущія предположенія по обычному и удачному своему форсу, раздѣлилъ всю свою команду на три части: первую водворилъ въ сосѣдствѣ поминутаго князька; вторую поселилъ надъ Дономъ, а третью — изъ отборныхъ храбрыхъ Козаровъ, выбранную около 15,000 войска, взялъ съ собою и пошелъ прямо къ Сибири и всю оную дикую страну въ продолженіи не такъ долгаго времени, разными способами и удачными случаями, покорилъ и присоединилъ къ державѣ Россійскихъ Самодержцевъ. А потому уже изъ первой части Козаровъ оставшихся на жительствѣ у Днѣпровыхъ пороговъ, получившихъ отъ нихъ названіе (какъ выше сказали) произошли и всѣ приснословутые Запорожцы *).

И отъ умноженія своего часъ отъ часу тѣснились долго своимъ участкомъ земли, даннымъ

*) Все это Коржево преданіе очень темно здѣсь, намѣкаетъ что-то на завоеваніе Ермакомъ Сибири, в зачатіе Днѣпровскихъ острововъ Евстаѳіемъ Дашкевичемъ в Предславомъ Занцкоронскимъ, а далѣе, на Богдана Хмельницкаго.

имъ отъ Германа. Потомъ король Польскій жившій сначала съ Запорожцами въ дружбѣ, подарилъ по просьбѣ ихъ всю область Кодаккаго князька и предписалъ указомъ, дабы Поляки переселились въ другое мѣсто; а Запорожцамъ по ихъ крайней нуждѣ уступили-бы всю свою шляхетскую дѣдичну. Но Польскій старшина, бывшій тогда съ князькомъ въ Кодакахъ, послѣдовавшій отъ короля указъ утаилъ и не хотѣлъ уступить Запорожцамъ своей кровной и наследственной осядлости; Запорожцы-же сугубою своею докучкою Королю, вынудили у него чудное и мудреное слово, или лучше сказать обоюдное, и въ отношеніи обѣихъ сторонъ гибельное, какъ видали мы въ послѣдствіи времени на счетъ потерн Сѣчи и всего рушившагося Запорожья. Ибо по пословицѣ: пща чужаго свое потеряешь. Вотъ слово королевское, сказанное Запорожцамъ: попужните ихъ хорошенько оттуда, если они т. е. Поляки, нехотятъ добровольно уступить вамъ земли своей! — И какъ началъ пугать Поляковъ, Запорожцы, то послѣ и король не радъ былъ своему вынужденному изъ рта слову; и вместо прежней дружбы слѣзались непримиримыми врагами: ибо Запорожцы 7 лѣтъ Поляковъ душили, драли, грабили и убивали, и до тѣхъ поръ ихъ тѣснили, пока Поляки совершенно имъ уступили мѣсто и были прогнаны до самой бывшей границы, по рѣку Случь. По этому случаю и городъ Кодаки оставался уже

въ Запорожскомъ владѣніи, да и нынѣ существуетъ и славится древностію своего названія, и оставшеюся Запорожскою рукою.

2-е селеніе Лоцманская — Камянка, получившее названіе отъ прозывавшагося козака Лоцмана, который сдѣлалъ на томъ мѣстѣ зимовникомъ и занимался рыбною ловлею, также славился искусствомъ по части водоплавныхъ судовъ, мимо каменныхъ утесовъ и пороговъ въ Днѣпрѣ.

3-е селеніе Половица, о коей выше уже объяснили.

4-е селеніе Діевка отъ козака Дея изъ Новыхъ-Кодакъ первоначально выселеннаго на оное мѣсто, отъ него и селеніе получило свое названіе.

5-е Новые-Кодаки, мѣстечко сіе любезная моя родина, говоритъ Коржъ, существовало еще и во время Польскаго владѣнія (какъ выше сказали при описаніи Стараго-Кодака) а потомъ, когда онымъ завладѣли Запорожцы, то оно отъ случившагося въ немъ пожара обратилось въ пепелъ. До сгорѣнія-же выстроена была въ немъ церковь небольшая, деревянная, стараніемъ Запорожцевъ, покрытая соломой и камышемъ. Послѣ того, какъ церковь, такъ и все оное мѣстечко вновь было выстроено и названъ былъ городъ Новые-Кодаки. Въ немъ построена была и крѣпость удивительною и чудною архитектурою Запорожскою, и именно: весь городъ обведенъ былъ обычною глубокою канавою и острыми рогат-

заним. въ двѣ лавы, на сажень отъ канавы. Въ семь городъ было три башни деревянныя, чрезвычайно искусно слѣланныя: 1-я выпязь по Днѣпру, 2-я въ гору Днѣпра, а 3-я на полдень; надъ канавою вокругъ города устроенъ былъ земляной валъ, хотя и обыкновенной величини и высоты, но съ четырьмя раскатами по угламъ города, на коняхъ были утверждены пушки, а притомъ, на самомъ верху онаго вала поставлены были вокругъ лозовые, выплетенные кошелю и засыпанные землею до верха, наподобіе маковки. Сія кошелю плетены были внизу очень узко не шире аршина, а вышиною въ гору и въ горѣ шириною косоваго сажня, и ставляли ихъ по валу одинъ возлѣ другаго, такъ плотно, чтобы верхніе края кошелей сходились вмѣстѣ, или сплывались одинъ съ другимъ, а нижніе края утверждали на валу; и такъ сей кругъ или циркуль, стоящій на валу вокругъ города, казался издали наподобіе вѣнца съ коронами. Сія кошелю подбланы были на счетъ защиты противу неприятеля. такъ напр. если подступившій подъ городъ неприятель начнетъ бросать пули въ городъ и мѣтить прямо на бекетныхъ часовыхъ, на валу для защиты находившихся, то пули его остаются, ударяясь о земляные кошелю, не дѣйствительными, и часовыхъ повредить никогда не могутъ; они-же сидя, лежа за кошелями (какъ въ Бендерахъ за стѣнами) будучи невредимы, безъ нужно уже изъ своихъ оружій, въ щели или

въ окошка , между кошелями внизу находящіяся , поражаютъ непріятели. Сія хитрая диковинка , хитрыми Запорожскими козаками выдуманная , была почти первая тогда , между всѣми , какъ нашими , такъ и непріятельскими крѣпостями самымъ искуснѣйшимъ образомъ состроенная. Въ то время какъ оная крѣпость была строена , я (Коржъ) прїѣхавши изъ Сѣчи въ Новые-Кодаки по надобности , и видя що люди роблять , зробивъ и соби для памяти , собственными руками два кошеля , и отвезши волами на место , поставивъ якъ треба и насылавъ землею. Тудно и удивительно , что на томъ самомъ мѣстѣ , гдѣ было такое огромное зданіе , да и не такъ еще въ давнее время , едва уже и слѣды онаго видны.

6-е селеніе Сухочавка , названіе получило отъ одного козака , прозваніемъ Сухача , который имѣлъ на томъ мѣстѣ зимовникъ и былъ первый основатель онаго селенія во время Запорожья.

7-е селеніе Тарамское , названіе получило отъ того , что оно было поселено надъ самымъ Дняпромъ , у берега , и имѣя мѣстоположеніе , или грунтъ земли каменный , скелистый и весьма скучный , труской и безпокойный для проѣзжихъ людей путь такъ , что когда повозкою кто ѣдетъ , то безирестанный и сильный производитъ стукъ , и будтобы , какъ простые люди говорятъ «тарто-титъ» , отъ чего и Тарамское прозвано.

8-е селеніе Карнауховка , прозвано отъ козака Карнауха , сидѣвшаго нѣкогда тамъ зи-

мовникомъ, со скотоводствомъ и со всею ху-
добою.

9-е селеніе Тритузное, тоже получило
название отъ козака. сидѣвшаго тамъ зимовни-
комъ и прозывавшагося Тритузнымъ, который
былъ первоначально основателемъ онаго селенія.

10-е селеніе Камляское, названо отъ ко-
зака, прозваннаго Камляскаго, который имѣлъ
тамъ зимовникъ и былъ осадчимъ онаго селенія.

11-е селеніе Романково, название получило
не отъ прозванія козака, но отъ имени его Ро-
мана, который имѣлъ на томъ мѣстѣ зимовникъ
и скотоводство, а также и хлѣбопашество, ко-
имъ и всѣ козаки, вышесказанные осадчіе,
занимались болышею частію занимались рыбною
ловлею, въ отношеніи хорошихъ и высланныхъ
мѣстоположеній в ставокъ, скрозь во наль
Дивиромъ въ гору и въ низъ онаго простираю-
щихся, в гораздо въ болышемъ количествѣ,
тогда изобильвавшихъ разнообразною рыбою, чемъ
въ нынѣшнія времена.

12-е. Теперь перейдемъ отъ полуденно-за-
падной стороны къ сѣверо-восточной и увидимъ
какія были стародревнія селенія по ту сторону
Дивира, и во первыхъ наречемъ отъ Самары.

Сіе знатное селеніе получило название отъ
рѣки Самары. Оно въ древности и отъ славнаго
Заборскаго славилось, да и нынѣ славится су-
губо, не причинъ тройственнаго названія, во имя
святыхъ Троицы храма, въ немъ нынѣ суще-

ствующаго. Первое названіе и имя Самары было отъ населившагося первоначально Запорожскаго народа надъ рѣчкою Самарью. Второе названіе получило себѣ послѣ атакванія Сѣчи, когда люди изъ Гетманщины и изъ Россіи начали приходить въ сію Украину и поселились вновь по рѣчкѣ Самарѣ въ довольномъ количествѣ, тогда Самарь переименована была Новоселницею; а третье названіе получило оно отъ устройства въ немъ уѣзда, за бывшей Кременчугской губерніи, во время устройства Новороссійска въ Половницѣ, предъ путешествіемъ Государыни Екатерины, какъ выше сказалъ, и названо городомъ Новомосковскимъ.

Около мѣстечка Самаря издревле устройтъ былъ и монастырь общежительный, тѣмъ-же Запорожцами, который и до сихъ поръ существуетъ. Въ немъ тогда было монашествующихъ около 20 человекъ, и населился туда оныя изъ Сѣчи, а посвященіе и производство въ іеромонахи и во іеродіаконы получали въ Кіевской Лаврѣ, какъ и Сѣчевые монашествующіе, жили изъ подаянія очень достаточно. Церковь была деревянная, ризницею и церковною утварью чрезвычайно богатая; храмъ былъ Святителя Николая Чудотворца, отчего и названъ монастырь Самарскимъ-Николаевскимъ. Въместо настоятелей были въ немъ всегда попеременно строители изъ тѣхъ-же іеромонаховъ. Народъ Запорожскій имѣлъ осо-

бенное почтеніе и уваженіе къ монашествующимъ, и приходилъ великими толпами въ монастырь, какъ для поклоненія Николаю Чудотворцу, такъ и для назиданія душевнаго, отъ слышанія слова Божія, ежедневно въ церкви проповѣдуемаго, а особливо въ нарочитые праздники и годовые посты, въ кои они говѣли и исповѣдывались по христіанскому обряду и принимаемы были отъ монашествующихъ чинно и страннолюбиво, съ особеннымъ пустынно-служительскимъ угощеніемъ, на каковой приемъ и витальницы т. е. гостеприимные дома устроены были совсѣмъ въ нихъ для поклонниковъ довѣваемыми потребностями; и въ сіе-то особенное и роковое время были чрезвычайные для монастыря доходы и подаванія монашествующимъ.

13-е селеніе отъ Самары вверхъ по Днѣпру Старожилая Камянка, противу Новыхъ-Кодакъ, къ коей жилъ первый основатель оной, Каменскій, отъ коего она и названіе свое получила.

14-е селеніе Петровка, названіе получила также отъ перваго поселившагося тамъ казака Петровка, занимавшагося въ зимовникѣ обычнымъ своимъ хозяйствомъ.

15-е селеніе Могилевъ, получило названіе свое отъ казака Могилы, сидѣвшаго тамъ зимовникомъ и бывшаго первоначально основателемъ онаго селенія.

Отсюда возвратимся назадъ, не по Днѣпру однакожъ, но по рѣчкѣ Орелъ, тоже въ гору.

16-е селеніе Гупаловка, получила названіе отъ козака Гупала, который былъ первый житель въ семь селеній и сидѣлъ первоначально тамъ зимовникомъ.

17-е селеніе Перещепина, на большомъ шляху, пограничное мѣсто съ Полтавскою нынѣ губерніею и конечное Екатеринославской губерніи селеніе, а равно и въ старину между Гетманщиною и Запорожскою землею, также пограничное урочище сіе было, и будто-бы перещепивало т. е. раздѣляло Гетманщину отъ Запорожья; на семь мѣстъ поселившійся первый козакъ основатель сего селенія, прозванъ по шуточному Запорожскому обычаю Перещепкою, отъ коего и село Перещепина ведетъ свое названіе. Вотъ и всѣ стародревнія Запорожскія селенія, бывшія еще до атакванія Сѣчи. А на прочихъ мѣстахъ, во всѣхъ Запорожскихъ владѣніяхъ, были одни только зимовники, хутора и шалаши козацкіе, какъ и у кочующихъ Ногайцевъ, ибо всѣ вообще безъ изыятія пастухи, скитавшіеся по пространнымъ степямъ Запорожскимъ, какъ-то: табушники, скотари и чобаны вели жизнь по шалахамъ кучующую и называли ония кошамн, какъ выше сказано при описаніи ихъ обычаевъ; а о селеніяхъ, также и о святыхъ церквахъ почти у нихъ и дѣлки не было, или лучше сказать и понятія не имѣли, по той причинѣ, что со всѣхъ сихъ вышесказанныхъ нами 17 селеній, были

только церкви въ 6 селеніяхъ , кромѣ Сѣчи и монастырей, а именно : 1-я въ Старомъ-Кодакѣ, 2-я въ Новомъ-Кодакѣ, 3-я въ Самари 4-я въ Карнауховкѣ, 5-я въ Романовкѣ и 6-я въ Моголевѣ; а всѣхъ церквей съ монастырскими и Сѣчевою было во всемъ обширномъ пространствѣ Запорожскаго владѣнія только девять.

К О Н Е Ц Ъ .

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

	СТРАН.
Предисловіе издателя	IV.
О жизни Н. Д. Коржа	1.
О началъ селенія Михайловки	4.
Права Запорожскія и законы	12.
О смертныхъ казняхъ преступниковъ	21.
О Запорожскихъ обычаяхъ и обрядахъ	26.
Объ атакованіи Сѣчи	44.
О началъ города Екатеринослава	55.
О путешествіи Императрицы	61.
О радугахъ и фигурахъ Запорожскихъ	77.
О стародревнихъ Запорожскихъ селеніяхъ, бывшихъ еще до атакованія Сѣчи	84.
